

Уральский
федеральный
университет

имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина

Уральский гуманитарный
институт

К. Д. БУГРОВ
С. В. СОКОЛОВ

РОССИЙСКИЙ РЕСПУБЛИКАНИЗМ XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Учебное пособие

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

К. Д. Бугров, С. В. Соколов

РОССИЙСКИЙ РЕСПУБЛИКАНИЗМ XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Учебное пособие

Рекомендовано методическим советом
Уральского федерального университета
в качестве учебного пособия для студентов вуза,
обучающихся по программам магистратуры
по направлению подготовки 46.04.01 «История»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2019

УДК 94(470)(075.8)
ББК ТЗ(2)5–3я73-1
Б902

Рецензенты:

сектор социальной истории Института истории и археологии УрО РАН
(заведующий сектором доктор исторических наук,
доцент Д. В. Тимофеев);
Т. В. Артемьева, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории культуры Российского
государственного педагогического университета имени А. И. Герцена

Научный редактор

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
Уральского федерального университета М. А. Киселев

Бугров, К. Д.

Б902   Российский республиканизм XVIII — начала XX века в сравнительно-
историческом контексте : учеб. пособие / К. Д. Бугров, С. В. Соколов ;
М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. —
Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 100 с.

ISBN 978-5-7996-2927-4

Учебное пособие дает содержательное представление об историческом феномене политической идеологии республиканизма, охватывая исторический период от Античности (Аристотеля и Цицерона) до XX столетия, а также знакомит студентов с историческим развитием республиканских идей и теорий, показывает значимость республиканского интеллектуального наследия для политической философии в целом.

Для студентов, обучающихся по программам магистратуры по направлению «Исторические науки и археология».

УДК 94(470)(075.8)
ББК ТЗ(2)5–3я73-1

На обложке:

Д. И. Иванов. Вручение пустынноиком Феодосием Борецким меча Ратмира юному вождю новгородцев Мирославу, назначенному Марфой Посадницей в мужья своей дочери Ксении. 1808. Русский музей

© Уральский федеральный университет, 2019

ISBN 978-5-7996-2927-4

© Бугров К. Д., Соколов С. В., 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
1. Истоки республиканизма	7
1.1. Политическая философия Аристотеля.....	7
1.2. Полибий. Теория исторического цикла.....	10
1.3. Цицерон. Гай Саллюстий Крисп.....	14
Вопросы для обсуждения.....	17
Рекомендуемая литература.....	17
2. Республиканизм эпохи Ренессанса: добродетель, фортуна и коррупция	19
2.1. Никколо Макиавелли.....	19
2.2. Монархомахи XVI в. и теория народного суверенитета.....	24
2.3. Английские республиканцы XVII в.....	29
Вопросы для обсуждения.....	39
Рекомендуемая литература.....	39
3. Республиканизм эпохи Просвещения: добродетель, коммерция и прогресс	41
3.1. Проблема роскоши в XVIII в.....	41
3.2. Монтескьё и теория разделения властей.....	43
3.3. Республиканизм Ж.-Ж. Руссо.....	46
Вопросы для обсуждения.....	50
Рекомендуемая литература.....	51

4. Американские республиканцы XVIII — начала XIX в.	52
4.1. Интеллектуальные истоки американского республиканизма	52
4.2. Республиканизм периода Американской революции	54
4.3. Республиканцы против Конституции	59
4.4. Федералисты и республиканцы после ратификации Конституции	65
Вопросы для обсуждения	66
Рекомендуемая литература	66
5. Генезис российского республиканизма	68
5.1. Историко-политическая мысль XVIII в.	68
5.2. Декабристы. П. И. Пестель	72
Вопросы для обсуждения	75
Рекомендуемая литература	76
6. Республиканизм и революция	77
6.1. Этическое учение П. Л. Лаврова	77
6.2. Марксизм, республиканизм и революция	79
Вопросы для обсуждения	84
Рекомендуемая литература	84
7. Марксизм и «красный республиканизм» в СССР	85
7.1. Н. И. Бухарин. «Теория переходного периода»	85
7.2. Пятилетний план и «новый человек»	93
Вопросы для обсуждения	97
Рекомендуемая литература	97

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое учебное пособие ориентировано на студентов гуманитарных направлений магистратуры, прежде всего изучающих историю, философию, литературу, право, культуру. Задача пособия — познакомить студентов с историческим развитием республиканских идей и теорий, показать значимость республиканского интеллектуального наследия для российской истории, дать содержательное представление об историческом феномене политической идеологии республиканизма, охватывающей исторический период от Античности (Аристотеля и Цицерона) до XX столетия, и акцентировать внимание на рецепции республиканских политических идей на российской почве от А. Н. Радищева и декабристов до большевиков. Расширить свои познания в данной области студенты могут, используя включенные в пособие списки рекомендованной литературы.

Материал, предлагаемый в пособии, разделен на главы. Каждая в большинстве случаев соответствует одной полноценной двухчасовой академической лекции. Количество тем привязано к расчетам аудиторной нагрузки в рабочих программах по дисциплине «История» для соответствующих направлений по стандарту ФГОС поколения 3++.

Методическая часть пособия включает в себя вопросы для дискуссии (они даются после каждой главы). Кроме того, указана дополнительная литература, которая отражает современное состояние исследований по различным периодам и проблемам отечественной истории. После каждой главы приводятся вопросы для самостоятельной работы.

Учебное пособие является одним из первых на российской почве методических материалов, разъясняющих историю формирования республиканской парадигмы идей и соединяющих проблематику истории общественно-политической мысли, истории идей, истории политической философии и литературы. Его основу составили собственные научные разработки авторов, изучавших на протяжении ряда лет особенности процесса рецепции республиканских идей на российской почве.

1. ИСТОКИ РЕСПУБЛИКАНИЗМА

1.1. Политическая философия Аристотеля

Счастье — это определенное качество
деятельность души сообразно добродетели.

Аристотель. Никомахова этика

Республиканские теории черпают свое начало в античной философии, посвященной обсуждению политического существования города-государства — полиса. Своеобразной суммой идей древнегреческих мыслителей на эту тему стали труды АРИСТОТЕЛЯ (384–322 гг. до н. э.), прежде всего трактаты «Никомахова этика» и «Политика».

Существует много путей интерпретации идей Аристотеля, одного из отцов всей современной общественной мысли. Мы подчеркнем здесь лишь те, которые в наибольшей степени сопряжены с формированием республиканской традиции.

Социально-антропологическая философия Аристотеля выстроена вокруг понятия о заложенном в человеческой природе потенциале, который может быть развит в должной мере только в социуме. Человеческая личность развивается в сети разнообразных взаимодействий с другими индивидами, отсюда вытекает важнейшее для Аристотеля (и для республиканизма в целом) определение человека как «политического животного». Социабельные по своей природе люди в практике своих взаимоотношений, осуществляемых в первую очередь с помощью

языка, развивают разнообразные добродетели (*arete*), необходимые для достойной, счастливой жизни.

Добродетели существуют в нас не от природы и не вопреки природе, но приобрести их для нас естественно, а благодаря приучению мы в них совершенствуемся¹.

Политическое сообщество, таким образом, является абсолютно необходимым элементом для достижения человеком счастья. Однако разные политические режимы по-разному соответствуют этой цели, и только в благоустроенной политии роли хорошего гражданина и хорошего человека совпадают. Добродетель гражданина реализуется в его участии в коллективном управлении, в искусстве управлять и быть управляемым: эта власть над свободными гражданами отличается от власти хозяина над рабами.

А поскольку человек не рождается ни хорошим, ни плохим сам по себе, но приобретает черты характера в социуме, полис не только создает условия для добродетельной жизни, но и формирует сам характер гражданина. Особенно важна роль законов, которые не только устанавливают правосудие и справедливость, но и формируют личность гражданина, становясь, таким образом, инструментом достижения достойной, благой жизни, которую, как уже сказано выше, можно прожить только в благоустроенном и свободном государстве. Подобные утверждения заставили Аристотеля исключить из определения свободных граждан большое число людей, в первую очередь рабов и женщин. Такого рода деление на свободных и рабов оказалось важной частью республиканской традиции, порождая в последующие столетия бесчисленные коллизии.

Согласно нашему утверждению, во всяком живом существе прежде всего можно усмотреть власть господскую и политическую. Душа властвует над телом, как господин, а разум над нашими стремлениями — как государственный муж. Отсюда ясно, сколь естественно и полезно для тела быть в подчинении у души, а для подверженной аффектам части души — быть

---

¹ Аристотель. Сочинения. М., 1983. С. 78.

в подчинении у разума и рассудочного элемента души и, наоборот, какой всегда получается вред при равном или обратном соотношении. То же самое положение остается в силе и в отношении человека и остальных живых существ. Так, домашние животные по своей природе стоят выше, чем дикие, и для всех домашних животных предпочтительнее находиться в подчинении у человека: так они приобщаются к своему благу. Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая — ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении. Тот же самый принцип неминуемо должен господствовать во всем человечестве. Все те, кто в такой сильной степени отличаются от других людей, в какой душа отличается от тела, а человек от животного (это бывает со всеми, чья деятельность заключается в применении физических сил, и это наилучшее, что они могут дать), те люди по своей природе — рабы; для них, как и для вышеуказанных существ, лучший удел — быть в подчинении у такой власти. Ведь раб по природе — тот, кто может принадлежать другому (потому он и принадлежит другому) и кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает².

Отсюда Аристотель переходит к компаративной характеристике разных форм правления, создав знаменитую тройную классификацию, которой суждено было пережить столетия. Формы правления делятся по числу лиц, осуществляющих власть, на *монархию* (правление одного), *аристократию* (правление немногих) и *демократию* (правление всех). Каждая форма имеет свою противоположность, извращенную форму, ориентированную не на общее благо, а на частные интересы (*тирания*, *олигархия*, *охлократия*). Разным социально-историческим контекстам отвечают разные формы правления, однако наилучшим Аристотель считает то состояние, когда соединяются их сильнейшие стороны. Важно помнить о том, что политическая философия Аристотеля имеет сильное компаративное начало, позволяя сравнивать между собой разные государства, причем не только греческие, но и не-эллинские (например, он описывает устройство Карфагена).

Ирландская исследовательница философии республиканизма И. Хонохан отмечает: «На практике Аристотель предлагает довольно

---

² Аристотель. Сочинения. С. 383.

расплывчатый идеал. Даже если он и понимает участие в свободном самоуправляющемся сообществе как важную часть добродетельной жизни, он все же остается в рамках телеологического понимания человеческой природы, которому отвечает лишь небольшая часть человечества, исключая по определению не-эллинов, рабов и женщин. Его теория полагает, что все добродетели могут быть в гармонии, что добродетель сопровождается успехом, и что полис может быть гармоничен. Но Аристотель и сам понимал противоречивость всех этих утверждений и не решался однозначно провозгласить превосходство политической жизни над созерцательной»³. При всей противоречивости своих утверждений именно Аристотель остается ключевой фигурой для последующей республиканской традиции.

1.2. Полибий. Теория исторического цикла

Не внешнее великолепие украшает город,
но доблести его жителей.
Полибий. Всеобщая история. Ок. 150 г. до н. э.

Крупный вклад в дальнейшее развитие того течения мысли, которое впоследствии привело к формированию республиканской политической философии, внес греческий историк, военачальник (стратег Ахейского союза) и политический деятель Полибий (ок. 200 — ок. 120 гг. до н. э.). Он писал в эпоху, когда грекам пришлось столкнуться с невиданным доселе политическим феноменом — стремительным ростом римского военного могущества. Великолепное знание исторической традиции и, в частности, аристотелевой «Политики» Полибий сочетал со своим опытом военного и политика: он был лично знаком с римским общественным строем — участвовал в войне римлян с македонским царем Персеем в качестве командира союзных ахейских войск, долгое время пробыл в Риме, был членом знаменитого интеллектуального кружка Сципиона Эмилиана (был наставником Сципиона). Главное сочине-

---

³ Honohan I. Civic Republicanism. L. ; NY, 2002. P. 29.

ние Полибия, «Всеобщая история», было, кроме прочего, посвящено анализу тех социально-политических причин, которые сделали этот рост возможным. Таким образом, «Всеобщая история» стала одной из первых рефлексий над историей о римском могуществе — историей, которая оказалась для республиканской традиции ключевым аргументом.

Как же Полибий анализирует римский политический строй? Опираясь на идеи Аристотеля и других греческих мыслителей о формах правления и смешанной конституции государства, он придает этим концепциям хронологическое измерение, создав знаменитую теорию «конституционного цикла» (*anakyklosis*). Эта циклическая философия истории легла в основу последующей республиканской традиции. Принципиально важной является шестая книга «Всеобщей истории», посвященная описанию римского государственного устройства в контексте этой своеобразной философии истории.

Как для железа ржавчина, а для дерева черви и личинки их составляют язву, сросшуюся с ними, от коей эти предметы и погибают сами собою, хотя бы извне и не подвергались никакому повреждению, точно так же каждому государственному устройству присуще от природы и сопутствует ему то или другое извращение: царству сопутствует так называемое самодержавие, аристократии — олигархия, а демократии — необузданное господство силы. В эти-то формы с течением времени неизбежно переходят поименованные выше государственные устройства, как мы только что разъяснили⁴.

Первой формой правления является монархия, однако вскоре более разумных монархов сменяют жадные и злобные тираны, которые, получив власть по наследству, «предались страстям» — жажде роскоши, обжорству и сластолюбию. Тирана свергают «лучшие граждане», устанавливающие аристократическое правление. Но и в этом случае потомки первых аристократов начинают предаваться тем же порокам, что и свергнутый тиран, восстанавливая против себя «толпу», весь народ. Народ, свергнув разбойных олигархов и не решаясь восстановить

---

⁴ Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. СПб., 2005. Т. 2, кн. 6–25. С. 12.

скомпрометировавшую себя монархию, начинает править сам, и «пока остаются в живых граждане, испытавшие на себе наглость и насилие, до тех пор сохраняется довольство установившимся строем, и очень высоко ценятся равенство и свобода»⁵. А когда и это поколение уходит, то в охваченной смутами и беззакониями демократии к власти приходит «отважный честолюбец», и цикл начинается снова.

Самым совершенным государственным устройством является то, которое наиболее успешно сопротивляется циклической логике вырождения и коррупции. Смешанная конституция, сочетающая лучшие элементы монархии, аристократии и демократии, способна, согласно Полибию, на определенный срок превозмочь разлагающее действие времени.

Не менее важным оказалось и то, что Полибий писал в эпоху, непосредственно следовавшую за победами римлян над карфагенянами во Второй Пунической войне. Поэтому концепция «конституционного цикла» позволяла ему объяснить невиданный взлет римского военного могущества. Таким образом, Полибий оказался первым из авторов, который однозначно связал республиканскую политическую организацию с военным превосходством. Этот довод позднее станет одним из ключевых в республиканской традиции (см. гл. 2 и 3 о политической мысли Н. Макиавелли, английских революционеров Дж. Харрингтона, Дж. Мильтона и А. Сиднея, Ж.-Ж. Руссо).

Читатели составленной мною истории извлекут из нее прекраснейшие и полезнейшие уроки тогда только, когда узнают и поймут, каким образом и силой каких государственных учреждений римляне в течение неполных пятидесяти трех лет покорили почти всю обитаемую землю и подчинили ее своему безраздельному владычеству: раньше не было ведь ничего подобного⁶.

Римская конституция была образцовой, поскольку сочетала в себе черты всех форм правления, причем сочетала их наилучшим образом: консулы вдвоем играли роль монарха, сенат — аристократии, народное

---

⁵ Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Т. 2, кн. 6–25. С. 12.

⁶ Там же. С. 35.

собрание — демократии. Эти власти находятся в состоянии баланса, благодаря которому Римское государство способно почерпнуть силы в себе самом.

Когда какая-либо угрожающая извне общая опасность побуждает их к единодушию и взаимопомощи, государство обыкновенно оказывается столь могущественным и деятельным, что никакие нужды не остаются без удовлетворения. Если что-нибудь случится, всегда все римляне соревнуются друг с другом в совместном обсуждении, исполнение принятого решения не запаздывает, каждый отдельно и все в совокупности содействуют осуществлению начинаний. Вот почему это государство благодаря своеобразности строя оказывается неодолимым и осуществляет все свои планы. Когда, с другой стороны, римляне по освобождении их от внешних опасностей живут в счастии и богатстве, приобретенном победами, наслаждаются благосостоянием и, легкомысленно поддаваясь льстецам, становятся необузданными и высокомерными, как бывает обыкновенно при таких обстоятельствах, особенно тогда можно видеть, как это государство в самом себе почерпает исцеление. Ибо если какая-либо власть возомнит о себе не в меру, станет притязательной и присвоит себе неподобающее значение, между тем как согласно только что сказанному ни одна из властей не довлеет себе и каждая из них имеет возможность мешать и противодействовать замыслам других, то чрезмерное усиление одной из властей и превознесение над прочими окажется совершенно невозможным⁷.

Как видим, Полибий считает могущество и жизнеспособность государства вытекающими из его политической организации, своеобразного баланса сил.

---

⁷ Там же. С. 17.

1.3. Цицерон. Гай Саллюстий Крисп

Не обеты и не бабьи молитвы
обеспечивают нам помощь богов;
бдительность, деятельность, разумные решения —
вот что приносит успех во всем;
пребывая в беспечности и праздности,
умолять богов бесполезно:
они разгневаны и враждебны.
Саллюстий Крисп. О заговоре Катилины. 49 г. до н. э.

Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н. э.), римский политик и философ, является ключевой фигурой в истории европейской политической мысли и, в частности, в истории республиканской традиции. Его собственные идеи сложились под сильным влиянием эллинской философии; Цицерон, учившийся в Греции, был блистательным эклектиком, сочетавшим концепции платоников, стоиков, а также собственно римскую политическую традицию. Свои идеи Цицерон развертывал в обстановке бушующего кризиса республиканского политического устройства, приведшего в конце концов к утверждению диктатуры Гая Юлия Цезаря, а затем и к принципату — фактическому установлению единовластия под маской республиканских институтов.

Главной работой Цицерона стал трактат «Об обязанностях» («*De Officiis*»), написанный им в годы вынужденного политического бездействия, последовавшие за установлением цезарианской диктатуры.

Подобно Аристотелю, Цицерон говорит о естественной человеческой социабельности; люди объединяются в политические общества, которые являются высшими формами ассоциации. Под влиянием стоиков Цицерон интенсивно использует концепцию *естественного права*, говоря о единой человеческой натуре и выстраивая на этой основе универсальную этическую систему, оказавшую громадное влияние на мыслителей позднего Средневековья и Ренессанса. Нравственное прекрасное, согласно Цицерону, всегда одновременно является и наиболее полезным; даже если поступков человека никто не видит, все-таки следует поступать добродетельно и нравственно безусловно. Однако стоики полагали также, что персональная добродетель никак не связана

с общественной и политической жизнью. В отличие от них, Цицерон постарался продемонстрировать, что для добродетельной жизни необходимым является участие в жизни политической.

Цицерон может считаться одной из главных фигур в истории республиканской политической мысли⁸, хотя его крупнейший политический трактат, «О государстве» («De Re Publica»), был утрачен в V в. и обретен только в XIX в., таким образом, практически не оказав влияния на последующую традицию. Исключением является примечательный фрагмент этого трактата, известный как «Сон Сципиона» («Somnium Scipionis»), воспроизведенный в компендиуме позднеримского книжника Макробия и оказавшийся доступным средневековому читателю. Этот фрагмент повествует, кроме прочего, о гражданской добродетели.

Итак, коль скоро явствует, что вечно лишь то, что движется само собой, то кто станет отрицать, что такие свойства дарованы духу? Ведь духа лишено все то, что приводится в движение толчком извне: но то, что обладает духом, возбуждается движением внутренним и своим собственным; ибо такова собственная природа и сила духа. Если она — единственная из всех, которая сама себя движет, то она, конечно, не порождена, а вечна. Упражняй ее в наилучших делах! Самые благородные помышления — о благе отечества; ими побуждаемый и ими испытанный дух быстрее перенесется в эту обитель и в свое жилище. И он совершит это быстрее, если он еще тогда, когда будет заключен в теле, вырвется наружу и, созерцая все находящееся вне его, возможно больше отделится от тела. Ибо дух тех, кто предавался чувственным наслаждениям, предоставил себя в их распоряжение как бы в качестве слуги и, по побуждению страстей, повинующихся наслаждению, оскорбил права богов и людей, носится, выйдя из их тел, вокруг самой Земли и возвращается в это место только после блужданий в течение многих веков⁹.

---

⁸ Хархордин О. В. Почему *res publica* — не государство: грамматика стоиков и дискурсивные практики Цицерона в его теории республики // Современная республиканская теория свободы : коллект. моногр. / под ред. Е. С. Рощина. СПб., 2015. С. 137–179.

⁹ Цицерон Марк Туллий. Диалоги. О государстве. О законах. М. : Ладомир ; Наука, 1994. С. 88.

Цицероново учение о добродетели было популярным в эпоху Ренессанса, оказавшись в гармонии с христианским взглядом на моральные основания социума. Однако дальнейшее развитие республиканской традиции привело к ревизии цицероновской этики, что было осуществлено Н. Макиавелли.

Другим чрезвычайно важным римским автором был Гай Саллюстий Крисп (86–35 гг. до н. э.), интеллектуал и политик, близкий к цезарианцам. Ему принадлежат два исторических сочинения, написанные в конце 40-х гг. до н. э., — «О заговоре Катилины» («*De coniuratione Catilinae*») и «Югуртинская война» («*Bellum Iugurthinum*»). В них Саллюстий затрагивает проблемы кризиса Римской республики, но делает это в других категориях, чем Цицерон. Саллюстий, бывший в годы конфликта сторонником Цезаря, более радикален в оценках, чем Цицерон.

Наибольший интерес в первом из этих текстов представляют две речи, вложенные Саллюстием в уста сенаторов, когда он описывает заседание Сената по поводу судьбы арестованных в Риме мятежников. Речь Катона, в которой он призывает сенаторов жестоко покончить с заговорщиками, является ключевым моментом. Упрекая сенаторов в развращенности и сравнивая их с великими предками, Катон заключает:

Так как каждый из вас в отдельности думает только о себе, так как в частной жизни вы рабы наслаждений, а здесь — денег и влияния [могущественных людей], то именно поэтому государство, оставшееся без защиты, и подвергается нападению¹⁰.

Угроза для республики требует беспощадного ответа заговорщикам; Катон приводит на память случай с консулом Торкватом, казнившим собственного сына за нарушение воинской дисциплины, и советует сенаторам не проявлять к заговорщикам ни малейшего снисхождения.

В «Югуртинской войне» Саллюстий анализирует эпизод из походов римлян в Северную Африку, тесно связанный с гражданской войной между Марием и Суллой. В центре внимания Саллюстия — механизмы коррупции, охватившие республику в эту эпоху; здесь же

---

¹⁰ Крисп Гай Саллюстий. Сочинения. М., 1981. С. 33.

фигурирует знаменитая цитата из Югурты, покидающего Рим: «Продажный город, обреченный на скорую гибель, — если только найдет себе покупателя!»¹¹

Наряду с Цицероном, Саллюстий был популярным автором в эпоху Ренессанса, и его влияние на республиканскую традицию (прежде всего в части анализа проблем коррупции и упадка республики) было чрезвычайно сильным.

Вопросы для обсуждения

1. Внимательно изучите исторические сравнения разных видов государственного устройства, приводимых в книге 6 «Всеобщей истории» Полибия. Как его исторические экскурсы соотносятся с концепцией «конституционного цикла»? Как концепция «цикла» позволяет Полибию объяснить поражение карфагенян от римлян в Пунических войнах?

2. Изучите статью американского историка Д. Капуста из списка рекомендованной литературы. Какие выводы о влиянии Саллюстия Криспа на политическую философию Макиавелли делает этот автор? Подготовьте ее сжатый конспект. Используйте данный конспект при изучении материала главы 2.

3. Самостоятельно прочтите «Анналы» Корнелия Тацита. Сравните идеи Тацита с идеями Саллюстия и Цицерона. Какое, на ваш взгляд, значение труды Тацита имели для республиканской традиции?

Рекомендуемая литература

Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; общ. ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.

Крисп Гай Саллюстий. Сочинения / Гай Саллюстий Крисп ; пер. с лат. В. О. Горенштейна. М. : Наука, 1981. 221 с.

Полибий. Всеобщая история в сорока книгах / Полибий ; пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. СПб. : Наука, 2005. Т. 2, кн. 6–25. 420 с.

Тацит Корнелий. Сочинения : в 2 т. Анналы. Малые произведения / Корнелий Тацит. Л. : Наука, 1969. Т. 1. 443 с.

Хархордин О. В. Почему *res publica* — не государство: грамматика стоиков и дискурсивные практики Цицерона в его теории республики / О. В. Хархор-

---

¹¹ Там же. С. 61.

дин // Современная республиканская теория свободы : коллект. моногр. / под ред. Е. С. Рощина. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2015. С. 137–179.

Цицерон Марк Туллий. Диалоги. О государстве. О законах / Марк Туллий Цицерон. М. : Ладомир ; Наука, 1994. 224 с.

Цицерон Марк Туллий. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Марк Туллий Цицерон ; пер. с лат. В. О. Горенштейна. М. : Наука, 1993. 247 с.

Honohan I. Civic Republicanism / I. Honohan. L. ; NY : Routledge, 2002. 328 p.

Kapust D. Cato's Virtues and The Prince: Reading Sallust's 'War with Catiline' with Machiavelli's 'The Prince' / D. Kapust // History of Political Thought. 2007. № 28 (3). P. 440–446.

2. РЕСПУБЛИКАНИЗМ ЭПОХИ РЕНЕССАНСА: ДОБРОДЕТЕЛЬ, ФОРТУНА И КОРРУПЦИЯ

2.1. НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

... Считаю нужным следовать римскому строю,
а не строю всех прочих республик.

Н. Макиавелли. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. 1531

Никколо Макиавелли — ключевой мыслитель республиканской традиции. Его политическая карьера пришлась на эпоху упадка Флорентийской республики XV в. Соединяя наблюдения над политическими реалиями своего времени, гуманистическую традицию Ренессанса и исторические концепты, почерпнутые из античных авторов — прежде всего из Полибия, Тита Ливия и Саллюстия Криспа — Макиавелли разработал тот круг тем, обращение к которым характеризует республиканскую традицию во все последующие столетия. Конечно, Макиавелли не предлагал никакой единой теории; его наследие представлено двумя важнейшими трактатами — «Государь» («Il Principe», 1531) и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» («Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio», 1531). Первый из них является своего рода учебником для царствующих особ, а второй был попыткой Макиавелли дать собственный ответ на те же вопросы о коррупции и упадке государств, которые до него волновали Полибия и Саллюстия.

Для понимания языка Макиавелли важно помнить: свои политические рассуждения он выверял по римскому образцу, анализируя мно-

гочисленные примеры из истории Римской республики. Восхищение Римом у Макиавелли имело вполне рациональную направленность: древняя история выступала учебником по достижению величайшей славы и могущества, прежде всего военного. Если Рим смог подняться от маленького города-государства до колоссальной державы, повергавшей могущественных царей, и сделал это исключительно благодаря собственной добродетели и образцовой конституции, то почему не могла бы повторить его путь Флоренция, стартовавшая, казалось бы, из идентичных и даже более благоприятных условий? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, Макиавелли и предпринимает детальный анализ республиканского политического устройства в «Рассуждениях».

Основа и движущая сила республики — *гражданская добродетель* (*virtu*). Ее Макиавелли понимает вовсе не так, как, например, понимал добродетель Цицерон. Политическая этика Макиавелли вступает в противоречие с цицероновской и христианской традицией, учившей, что «нравственно прекрасное» одновременно является и наиболее полезным. Макиавелли считает, что гражданская добродетель определяется в первую очередь интересами республики, государства (*raggione di stato*) и в этом смысле может не совпадать с универсальной этикой. К примеру, государь, чтобы удерживать власть, должен вести себя «то как свирепейший лев, то как хитрейшая лиса»¹. Гражданская добродетель, таким образом, не соотносится ни с какими неизменными «нравственно прекрасными» (Цицерон) ценностями. Напротив, ценностное значение поступка политика всякий раз определяется требованиями момента, необходимостью реагировать на удары Фортуны. Развивая такой взгляд на политическую *vita activa*, Макиавелли, возможно, вдохновлялся соображениями, высказанными в сочинении Саллюстия «О заговоре Катилины» (см. статью Д. Капуста в списке рекомендуемой литературы к гл. 1). Правда, роль религии Макиавелли считал важной, однако главным образом в инструментальном, практическом ключе — это одна из внутренних «связок» республики, делающих ее устойчивой во времени. Пренебрежение к религиозным

---

¹ Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 358–359.

установлениям Макиавелли считал признаком коррупции общественного устройства и близкой гибели государства.

Однако сам по себе этический релятивизм, конечно, не принес бы Макиавелли столь большой славы. Его политические идеи, с одной стороны, истолковывают добродетель в паре с *raggione di stato*, но с другой — ставят их в зависимость от социально-политического контекста, который Макиавелли раскрывает средствами исторического анализа.

В чем же залог могущества государства? Он заключается в таком политическом, юридическом и социально-экономическом устройстве, которое бы стимулировало производство гражданской добродетели, *virtu*, с помощью которой республика способна достичь величия и превозмогнуть вызовы времени и Фортуны.

Каким образом можно генерировать *virtu*? В противовес господствовавшей в позднем Средневековье политической теории, основанной на этическом учении Цицерона (представленном в трактате «Об обязанностях») и христианской морали, Макиавелли настаивал на том, что в республике внутренние конфликты являются не только знаком упадка, но и залогом процветания. В главе 3 «Рассуждений» Макиавелли замечает:

Никак нельзя утверждать, что в [Римской] республике, которая при всех возникавших в ней раздорах за такой долгий срок отправила в изгнание не более восьми-десяти граждан, почти никого не казнила и очень немногих приговорила к денежному штрафу, отсутствовало внутреннее единство. И уж вовсе безосновательно объявлять неупорядоченной республику, давшую столько примеров доблести, ибо добрые примеры порождаются хорошим воспитанием, хорошее воспитание — хорошими законами, а хорошие законы — теми самыми смутами, которые многими необдуманно осуждаются. В самом деле, всякий, кто тщательно исследует исход римских смут, обнаружит, что из них проистекали не изгнания или насилия, наносящие урон общему благу, а законы и постановления, укрепляющие общественную свободу².

---

² Макиавелли Н. Избранные сочинения. С. 389.

Вместе с тем, своеобразие римского устройства, подвижного внутренними распрями, годится только для республики, нацеленной на постоянное расширение. Макиавелли вводит важное разделение республик: одни из них (подобно Риму) нацелены на расширения и завоевания, и тогда надо

...дать самый широкий простор для смут и общественных несогласий, ибо без большого числа, и притом хорошо вооруженных граждан, республика никогда не сможет вырасти или, если она вырастет, сохраниться³.

Другие же (подобно Спарте и Венеции) ориентированы на стабильность, но такого рода республикам противопоказаны завоевания, как поясняет Макиавелли в главе 6, «ибо завоевания, опирающиеся на слабую республику, приводят к ее крушению»⁴. Однако Макиавелли в своих сочинениях приходил к выводу о том, что предпочтительным нужно признать именно римский образец, а конфликты между Сенатом и народом являются неизбежной платой за величие.

Большое внимание Макиавелли уделил и вопросам социальной структуры государства. Республикам необходимы равновесие, порождаемое внутренней борьбой, и правильная социальная организация. Ведь не всякие занятия граждан в равной степени общественно полезны! Например, дворянство, согласно Макиавелли, это «решительный враг всякой гражданственности»⁵.

Правильная социальная структура республики, включая равенство граждан, грамотно устроенные внутренние конфликты, организацию армии, обеспечивает гражданскую добродетель, противодействуя полибиевскому *anakyklosis*. Выражением этого является удивительная военная мощь республики, опирающаяся всецело на гражданскую добродетель армии граждан-воинов (в трактате «О военном искусстве» 1520 г. Макиавелли решительно критиковал наемные войска и высказывался в поддержку создания гражданского ополчения, полагая, что, будучи одухотворены своей *virtu*, эти воины покажут себя

---

³ Макиавелли Н. Избранные сочинения. С. 396.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 433.

куда лучше, чем корыстные и хитрые *condottieri*). Тезис о связи между республиканской социально-политической организацией и военной мощью Макиавелли тщательно разработал с использованием античных примеров, и примеры эти стали фундаментом республиканской традиции на столетия вперед.

Впрочем, в этой своеобразной диалектике добродетели и коррупции оставалось слабое место — проблема основания республики. Макиавелли замечает по этому поводу в главе 24:

В развращенных городах сохранить республику или же создать ее — дело трудное, а то и совсем невозможное. А ежели все-таки ее в них пришлось бы создавать или поддерживать, то тогда необходимо было бы ввести в ней режим скорее монархический, нежели демократический, с тем чтобы те самые люди, которые по причине их наглости не могут быть исправлены законами, в какой-то мере обуздывались властью как бы царской. Стремиться сделать их добрыми иными путями было бы делом крайне жестоким или же вовсе невозможным⁶.

Итак, для того, чтобы создать республику, надо уже обладать гражданской добродетелью? Этот вопрос оставался для республиканской традиции чрезвычайно сложным, поскольку она, будучи по своей сути историцистской (в двойном смысле: первичный массив текстов античных авторов был посвящен осмыслению истории Римской республики, а затем он подвергся дополнительной историзации, став источником многочисленных примеров для Макиавелли и других гуманистов эры Ренессанса), не позволяла выработать единообразную универсальную политическую азбуку, как это делала, например, теория естественного права или христианская политическая теология, опиравшаяся на универсальные этические заповеди. Напротив, принципиально важное для республиканской традиции еще со времен Аристотеля различие между *свободными* и *рабами* было, по существу, исторически сложившимся. Проблема основания республики была «узким местом» республиканской традиции (см. об этом также гл. 3.3).

---

⁶ Макиавелли Н. Избранные сочинения. С. 420.

2.2. МОНАРХОМАХИ XVI в. И ТЕОРИЯ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Из того, что люди избирают
и творят своих королей,
следует, что народное тело
стоит выше короля.

Юний Брут. Защита против тиранов. 1579

Монархомахами («монархоборцами») собирательно называют политических публицистов XVI в., творивших в Западной Европе в эпоху религиозных войн и обосновывавших право народных ассамблей смещать государей. Большинство монархомахов — это протестанты, старавшиеся в невыгодных условиях борьбы с доминирующей католической церковью выдвинуть сильные аргументы, которые позволили бы консолидировать оппозиционные силы на широких основаниях. Именно в среде монархомахов получила популярность и знаменитая лаконичная формулировка «старинного закона» народного суверенитета — легендарные «законы Собрарбе»⁷.

Самым известным среди монархомахов-гугенотов считается Франсуа Отман (1524–1590), автор трактата «Франкогаллия» («Franco-Gallia», 1573). Отман презентовал свой политический анализ в форме экскурсии в историю Франции (именуя ее «Франкогаллией»). Последовательно описывая политическую структуру французского королевства эры Меровингов, Каролингов и Капетингов, Отман демонстрировал, что короли древности всегда управляли державой вместе с ежегодным советом и Генеральными штатами. Среди прочих авторов и хронистов Отман сочувственно цитировал Филиппа де Коммина по поводу того, что только тиран может обложить налогом подданных без их согласия.

Принципиально важной для нашего курса является глава 10 «Франкогаллии», где Отман перечисляет три признака тирании (принуждение подданных помимо их воли, использование наемников-иноземцев

---

⁷ Собрарбе — графство в Пиренейских горах, феодальное владение, ставшее в XII в. ядром Арагонского королевства.

в качестве охранников государя, превалирование выгоды правителя над выгодами подданных) и не находит ни одного их них в древней французской «конституции».

В этой главе Отман, кроме прочего, упоминает и «примечательнейшие» законы древнего Арагона (графства Собрарбе), в которых шла речь об избрании при короле особого судьи, титуловавшегося «Правосудие Арагона», который был посредником между королем и народом. И при его определении представители народа обращались к королю с такими словами:

Мы, кто обладает не меньшим достоинством, чем ты, и можем совершить больше тебя, избираем тебя королем на следующих условиях: пусть между нами стоит тот, чья власть выше твоей⁸.

Согласно Отману, таков был

...общий закон у всех народов и племен, которые... имеют царственную власть, а не тираническое господство... И совершенно ясно не только то, что знаменитая свобода сохранять общественный совет является частью права народов (*iuris gentum*), но и то, что короли, которые пытаются подавить эту священную свободу своими злобными измышлениями, и должны рассматриваться не как короли, но как тираны, так, словно они являются нарушителями этого права, общего для всех народов, существами, выключенными из человеческого общества⁹.

Другой важнейший трактат, вышедший из кругов монархомахов, — «Защита против тиранов» («*Vindiciae Contra Tyrannos*», 1579) — принадлежит анонимному автору (предположительно, Ф. Дюплесси-Морне), скрывшемуся под красноречивым псевдонимом Юний Брут.

Ссылаясь на Библию, историю Рима и Франции, автор доказывал, что народ не должен подчиняться государям, чьи распоряжения противоречат Божьему закону и Божьей воле. Между государем и подданными существует «завет», воспрещающий нарушать общее благо и Божий

---

⁸ Отман Ф. Франкогаллия. М. ; СПб., 2015. С. 119.

⁹ Там же. С. 122.

закон. Нарушение «завета» освобождает подданных от обязанности повиноваться государю.

Кроме того, монархи не могут притеснять подданных, поскольку самих этих государей когда-то поставил у власти народ:

Поскольку никто не рождался с коронами на головах и скипетрами в руках, и поскольку никто не может быть королем сам по себе либо царствовать без народа (тогда как, напротив, народ может существовать сам по себе, задолго до появления каких бы то ни было королей), с неизбежностью следует, что короли были первоначально установлены народом. И хотя сыновья и потомки таких королей, наследуя добродетели своих отцов, явно сделали королевства наследными для своих отпрысков, и в некоторых королевствах и странах право свободного избрания забылось, все же в каждом благоустроенном королевстве такой обычай продолжает существовать¹⁰.

Хотя по отдельности подданные-индивиды повинуются королю, единое *народное тело* стоит выше короля. Король — не более, чем рулевой корабля. Подданные королей — их братья, а не рабы, а государство не является их собственностью.

На практике, однако, «народное тело» из-за обширной территории государства и по причине своей многочисленности не может собраться в одном месте. Поэтому существуют сановники, магистраты, а также Генеральные штаты. Сановники государства должны противостоять тирану, а магистраты отдельных провинций и городов — изгонять тирана с вверенных им территорий. Но законным будет вооруженное сопротивление таким тиранам, если его оказывают другие магистраты или соседние благочестивые государи. Однако

... Частные лица должны знать, что нет им прощения, если они повинуются приказам, оскорбляющим Бога, и что все же у них нет ни права, ни разрешения взяться за оружие, если только нет абсолютной ясности,

---

¹⁰ *Junius Brutus. Vindiciae contra tyrannos* : A defence of liberty against tyrants. L., 1689. P. 37.

что у них есть экстраординарное позволение сделать это, что мы подтвердили примерами из Писания¹¹.

Исключением, правда, является злобный узурпатор, которому могут противостоять все подданные без разбора.

Примечательно, что и Отман, и Юний Брут игнорируют вопрос о том, какая форма правления лучше, фокусируя внимание на необходимости баланса в смешанной монархии, где власть осуществляет государь при содействии магистратов и сановников. Они редко ссылаются на историю Римской республики. В отношении Макиавелли монархомахи-гугеноты были настроены враждебно, считая флорентийского мыслителя апологетом тирании и образцом того «злого советника», в презрении к которому сходились и Отман, и Юний Брут. Другой влиятельный автор-гугенот, Иннокентий Жентиллет (1535–1588), в 1576 г. даже издал трактат «Анти-Макиавелли», посвященный обличению Макиавелли как советника тиранов.

Тем не менее, труды монархомахов имели важное значение для развития европейской республиканской традиции, поскольку именно в них были поставлены вопросы о народном суверенитете.

Тираноборчество имело давнюю историю в католической общественно-политической мысли. Еще крупнейший католический теолог Средневековья Фома Аквинский (1225–1274) указывал на то, что, поскольку источником суверенной власти монарха является Бог, действующий через народ, власть эта дается государю исключительно ради общего блага и блага народа. Отступая от общего блага, государь может (в самом крайнем случае) спровоцировать подданных на самозащиту, оправдываемую в категориях естественного права. Ведь единственной целью царствования монарха является народное, общее благо. Сходные соображения высказывали Иоанн Солсберийский (1115/1120–1180) и Иоанн Парвус (1360–1411). Хотя в XV в. церковный собор в Констанце осудил тираноборческие идеи, эта традиция продолжала сохраняться в католической общественно-политической мысли, в политической теологии.

---

¹¹ *Junius Brutus. Vindiciae contra tyrannos : A defence of liberty against tyrants.* P. 37.

Наиболее радикально о тираноборчестве писал испанский богослов, член ордена иезуитов Хуан Мариана (1535–1624), автор трактата «О короле и королевских установлениях» («De Rege et Regis Institutione», 1598), ставшего важной вехой в истории развития политической мысли Нового времени.

Лучшей формой правления Мариана (в соответствии с католической традицией, восходящей к Августину и Фоме Аквинскому) считает «смешанную монархию», позволяющую держать в узде пороки людей. Существование свободных республик (Мариана называет примеры Спарты и упомянутого нами выше древнего Арагона — Собрарбе) является лишь продуктом особых исторических обстоятельств, а потому поиск аргументов против монархии в древности, подобный поиску монархомахов-гугенотов, таких как Ф. Отман, бессмысленная затея. Идеи Марианы близки к идеям Юста Липсия, вытекают из общего монархического гуманистического интеллектуального поля эпохи Ренессанса; с другой стороны, Мариана настаивает на особой роли и власти духовенства, ссылаясь на преследующую государство угрозу религиозного раскола. Но, демонстрируя монархам те опасности, которые будут их поджидать при плохом и тираническом правлении, Мариана охотно и сочувственно описывает убийство Ж. Клеманом французского короля Генриха III как справедливое, выступает в поддержку теории тираноборчества.

Конечно, сочинение Марианы нельзя в строгом смысле считать частью республиканской традиции; как показывает новейшее исследование Д. Брауна, рассуждения Марианы о тираноборчестве не предполагали прямого использования концепции народного суверенитета. Тем не менее, пример Марианы свидетельствует о том, что концептуальный язык народного суверенитета оказывался востребован в различных социально-политических контекстах. Республиканский политический язык, сформировавшийся в ренессансной Флоренции на основании тщательного изучения греко-римской истории, формировал с новыми теориями народного суверенитета разнообразные конфигурации.

2.3. АНГЛИЙСКИЕ РЕСПУБЛИКАНЦЫ XVII в.

Если смерть — худшее,
что может случиться с человеком,
то монархия — худшее,
что может случиться с нацией.

А. Сидней. Придворные максимы. 1656

Джеймс Харрингтон (1611–1677) считается наиболее значимым из английских республиканцев XVII в., инкорпориовавшим идеи Макиавелли в островную интеллектуальную традицию. Его главный труд — трактат «Республика Океания» («The Commonwealth of Oceana», 1656) — представляет собой описание вымышленного государства, напоминающего Англию эпохи Кромвеля; мудрый законодатель Океании Ольфаус Мегалетор — прямая аллюзия на лорда-протектора.

Харрингтон предпочитает «народное правление» монархии. Этому есть пять причин:

Во-первых, это такое правление, которое никогда ни один монарх не покорял, с начала мира и до этих дней: ибо республики Греции пали под ярмо царей Македонии, когда уже истощили себя в борьбе между собой.

Во-вторых, это такое правление, которое часто проводило могучих монархов в триумфальном шествии.

В-третьих, это такое правление, которое, будь оно развращено, страдает не от собственных несовершенств, но от особенностей конституции, которая, случись такое, является неравной.

В-четвертых, это такое правление, которое, придерживаясь равенства, никогда не будет развращено; случилось ли развращение в Лакедемоне или Венеции?

В-пятых, это такое правление, которое, достигнув высот совершенства, несет такую свободу, что ни один человек не сможет показать, как возможно найти силу, способную возмутить республику развращением; ведь республика равенства одна не имеет изъянов и существует в полном совершенстве правления¹².

---

¹² Harrington J. The Oceana and Other Works of James Harrington. L., 1771. P. 52–54.

Акцент на проблеме равновесия и является отличительной чертой философии Харрингтона. Устойчивая республика нуждается во внутреннем балансе, который, согласно Харрингтону, вытекает из равномерного распределения земельной собственности. Идеальное государство Харрингтона представляет собой не просто «смешанную форму», где три аристотелевские формы правления дополняют друг друга и образуют баланс властей, но и систему экономического баланса, основанную на перераспределении земли. Древнюю «готическую» конституцию он, в отличие от монархомахов, не считал образцовой, поскольку этой конституции не доставало экономической стабильности. На этой почве Харрингтон творчески переработал идеи Макиавелли и греко-римских мыслителей, предложив оригинальный взгляд на баланс между «немногими» и «большинством», между аристократией и демократией. Республика Океании опирается на особый тип гражданина — собственника земли и воина, отважного и разумного «джентльмена», готового действовать ради «общего блага». Подобный тип гражданина, в свою очередь, воспроизводится и поддерживается благодаря социально-политическим институтам Океании; Харрингтон уделяет огромное внимание вопросу об институционализации гражданской добродетели. В числе институтов, нацеленных на поддержание гражданской доблести, — перераспределение аграрной собственности, ротация должностей, замена выборов жребием.

Образцовую республику Океании Харрингтон описывает так:

Главнейшие фундаментальные законы — во-первых, аграрный, в пропорции двух тысяч фунтов в год в земле, лежащей на собственной территории Океании, и устанавливающий такой баланс, что власть никогда не сможет быть вырвана из рук многих. Во-вторых, баллотирование, поднимающее сок равенства от самых корней [общества], с помощью равного выбора или ротации, к ветвям магистратов или суверенной власти. Сферы (orbs) этой республики — гражданская, военная и провинциальная, следуют этой модели благодаря разделением людей: во-первых, на граждан и слуг; во-вторых, на молодых и стариков; в-третьих, на тех, кто имеет по сотне фунтов в год в земле, товарах или деньгах, кто верхом на коне; и тех, у кого меньше и кто ходит ногами;

в-четвертых, они делятся по своему обычному месту проживания на приходы, сотни и трибы¹³.

Сложная система выборов снизу вверх, от прихода — к целой республике осуществляется для каждой из «сфер». В гражданской сфере избираются старики (elders), вплоть до формирования Сената и замещения высших должностей: «лорда стратегуса», «лорда оратора», «цензоров» — на основании ежегодной ротации, «хранителей печати» — на основании трехлетней ротации; в целом же, подобно Риму, «парламент Океании состоит из Сената, предлагающего решения, и народа, утверждающего их»¹⁴. В военной сфере избираются молодые (молодежь прихода избирает «стратиотов», потом те — своих «капитанов», они же формируют конницу и пехоту и поступают под командование «лорда стратегуса»; отказ от службы, если только молодой человек не является единственным сыном, карается штрафом и запретом на избрание в магистраты). Правильно организованная республика, как пишет Харрингтон в главе 10 добавления к «Океании», озаглавленного «Прерогатива народного правления» («The Prerogative of Popular Government», 1658), остается непобедимой на поле боя. Так, «голландец, что при власти государя был лишь рыбаком, с восстановлением народного правления стал лучшим солдатом»¹⁵.

В провинциальной сфере действует смешанная система, формирующая в конкретном регионе гражданскую и военную власть.

Исследуя ту же проблему темпоральной конечности республики, что занимала и Макиавелли, Харрингтон предложил собственный вариант решения этой проблемы, подробно описав механизацию «производства» гражданской добродетели. Реализация его идей, связанных с поддержанием баланса, теоретически позволила бы замедлить полибианскую циклическую смену «форм правления», минимизировав коррупцию общественного устройства. Мишенью для Харрингтона оказался Т. Гоббс, фигурирующий в «Океании» как Левиафан и подвергшийся яростной критике за свое презрение

---

¹³ Harrington J. The Oceana and Other Works of James Harrington. P. 204.

¹⁴ Ibid. P. 206.

¹⁵ Ibid. P. 267.

к греко-римской древности и отказ от концепции публичных гражданских добродетелей.

Впрочем, у этих предложений был, как показывает современный исследователь Дж. Покок, практический прицел — Харрингтон рассчитывал предложить истерзанной гражданской войной Англии образцовое республиканское устройство, более совершенное, чем древняя «готическая конституция». Главной мишенью для критики Харрингтона оказался аристократический элемент «готической конституции» — наследственная аристократия пэров, которая, по мнению мыслителя, подрывала баланс республики. Палату лордов в Океании заменяет выборный Сенат, который к тому же подлежит строгой и неукоснительной ротации.

Исполнение этих функциональных механизмов и поддержание институционального баланса (в основе которого, как уже сказано, лежит аграрный баланс собственности) и было наиболее значимым элементом в идейном наследии Харрингтона, его вкладом в развитие республиканского политического языка — по крайней мере, для англо-американской интеллектуальной традиции. Идеи Харрингтона о республиканском балансе оказались чрезвычайно важными для мыслителей политической оппозиции и партии «кантри» в Англии XVIII в., опиравшихся на Харрингтона для яростной критики коррупции, распространявшейся порочным королевским двором, и в конечном счете сыграли значимую роль в складывании американской версии республиканизма.

Джон Мильтон прежде всего известен как величайший английский поэт XVII столетия, автор знаменитой поэмы «Потерянный рай» («Paradise Lost», 1667). Менее известен тот факт, что Мильтон был и одним из наиболее активных защитников республиканизма в постреволюционной Англии, интенсивно участвовавшим в полемике против сторонников монархии. Мильтону принадлежит целый ряд политических работ, в которых он детально разрабатывал республиканскую проблематику.

Наиболее значимым вкладом Мильтона в республиканскую традицию стал трактат с длинным и довольно красноречивым названием «Обязанность королей и магистратов» («The Tenure of Kings and Magistrates», 1649)¹⁶. Главной полемической целью трактата было,

---

¹⁶ Полное название трактата Мильтона: «Обязанность королей и магистратов: доказывающая, что законно и всегда было законно для любого, кто наделен властью,

конечно, не оправдание республики как таковой, а обоснование права республики карать смертью монархов, вне зависимости от того, считается монарх тираном или нет.

Никто из людей, способных рассуждать здраво, не может быть столь глуп, чтобы отрицать: все люди рождены равными, будучи созданы по образу и подобию самого Бога, и, по привилегии выше всех иных тварей, рождены повелевать и не повиноваться: и они жили так. Но от момента падения Адама, творя вокруг себя неправду и насилие и предвидя, что такой ход дела уничтожит всех, они согласились соединиться для предотвращения взаимного вреда и вместе защищаться от любого беспокояства либо противодействия такому объединению. Так появились города и республики (*Citties, Townes and Common-wealths*). Поскольку вера не была достаточно сильным средством для объединения, им понадобилось организовать некую власть, которая бы силой и наказанием удерживала нарушителей мира и общего (*common*) права. Эту власть самозащиты и сохранения, находившуюся от начала и от природы в каждом из них и совместно — в них всех, для простоты, порядка и для того, чтобы каждый человек не выступал для самого себя пристрастным судьей, они передали либо одному, которого за мудрость и честность избрали над всеми остальными, либо более чем одному, которых считали равно достойными: первого именовали королем, других — магистратами. Но не для того, чтобы быть их господами и хозяевами (*Lords and Maisters*), но их уполномоченными и представителями, чтобы исполнять силой вверенной им власти то правосудие, которое каждый человек силой природы и завета должен исполнять для себя и для других. И если вздумается кому задаться вопросом, почему среди свободных личностей один человек по гражданскому праву обладает властью и юрисдикцией над другими, никакого другого объяснения он и помыслить не сможет.

Они хорошо правили некоторое время, но затем решили, что все вещи находятся в их усмотрении: искушение этой властью, оказавшейся в их ру-

---

призвать к ответу тирана или порочного короля и после должного разыскания сместить его и обречь на смерть, если ординарный магистрат пренебрежет этим или откажется это сделать. И что те, кто недавно столь яростно обличали свержение, были теми людьми, что сами его и осуществили».

ках абсолютной, извратило их со временем и склонило к несправедливости и пристрастности. Тогда те, кто на опыте обнаружил опасность и нестабильность вручения произвольной власти кому бы то ни было, изобрели законы, одобренные всеми, каковые законы должны были определять и ограничивать власть тех, кого избрали к правлению: так, чтобы человек, чье несоответствие должности они смогли бы доказать, не правил бы более, но чтобы закон и разум как можно больше воздерживались бы от личных ошибок и пристрастности. Ведь как магистрат вознесен над народом, так и закон вознесен над магистратом. Если же это не работало, а закон либо не выполнялся, либо выполнялся скверно, единственным оставшимся лекарством стало наложение условий и клятв на всех королей и магистратов при их введении в должность, чтобы они творили беспристрастную справедливость по закону... с явным предупреждением о том, что если король или магистрат окажутся неверны такому доверию, народ прекратит им повиноваться. Еще они добавили советников и парламенты, не только чтобы быть начеку, но и чтобы — с ним либо без него — в любое время заботиться об общей безопасности.

Все это весьма истинно и может быть при должном тщании показано в любой из языческих или христианских историй, даже и тех наций, где короли и императоры постарались с помощью узурпаций и иных пополюзноний (*encroachments*) стереть всю древнюю память о народных правах¹⁷.

В более доступной форме Мильтон изложил аргументы в поддержку цареубийства в памфлете «Иконоборец» («*Eikonoklastes*», 1649), написанном в качестве критического ответа анонимному автору монархического текста «Королевский портрет» («*Eikon Basilike*», 1649), прославлявшего Карла I как мученика. Здесь Мильтон описывает республику как полностью самодостаточное общество, для которого право смещать монарха является непременным условием этой самодостаточности. Он повторяет аргументы монархомахов, уже знакомые нам по сочинению Юния Брута «Защита против тиранов»:

Ибо что может дать парламенту тот, кто сам все получил от народа и ради блага народа? Теперь он выдвигает собственные условные права,

---

¹⁷ *Milton J. The Tenure of Kings and Magistrates*. NY, 1911. P. 9–10.

чтобы предпочесть их благу народа; а ведь он, если только не распоряжается ради этого блага, вовсе никаких прав не имеет, управляя по законам страны, а не по собственным, каковые законы может лишь парламент изменить или отменить, в зависимости от того, как, по его рассуждению, будет лучше для республики (Commonwealth), даже и упразднить королевскую должность вовсе, когда она становится слишком высокомерной и отягощающей. Ведь каждая республика определяется как общество, самодостаточное во всех вещах, касающихся процветания и хорошей (commodious) жизни. И если оно не может получить эти вещи без благорасположения и фавора отдельного лица или его частного желания, нельзя и помыслить ее самодостаточной, и, значит, нельзя такое общество считать ни республикой, ни вообще свободным, но лишь множеством вассалов во владении одного абсолютного господина, всецело покорных его воле¹⁸.

А в трактате «Готовый и легкий путь к установлению свободной республики» («The Ready and Easy Way to Establish a Free Commonwealth», 1660) Мильтон подробно доказывает, почему республика является единственной предпочтительной формой правления.

Алджернон Сидней (1623–1683) — английский аристократ и член Долгого парламента — был колоритной фигурой политической жизни Англии эпохи Революции. После изгнания умеренных членов Долгого парламента Сидней оставался в оппозиции режиму Кромвеля, а после смерти лорда-протектора вернулся к политическим делам. В бытность послом при датском дворе Сидней сделал в книге посетителей Университета Копенгагена красноречивую запись: «Manus haec inimica tyrannis // Ense petit placidam cum libertate quietem» («Сия рука, враждебная тиранам, // Мечом ищет спокойствия свободы»). После восстановления Стюартов Сидней как враг королевской власти и участник суда над Карлом I оказался в изгнании, где написал, в частности, «Придворные максимы» («Court Maxims», 1665–1666), ходившие в рукописи. Гибель Сиднея, казненного по весьма слабым обвинениям в участии в заговоре против восстановленных на английском троне Стюартов, привела к включению его в «канон патриотов-мучеников»

---

¹⁸ Milton J. Eikonoklastes in Answer to a Book Entitled Eikon Basilike the Portrature of his Sacred Majesty in his Solitudes and Sufferings. L., 1649. P. 101–102.

свободной формы правления, культивировавшийся в историко-политической литературе Англии XVIII столетия. Но, разумеется, Сидней был известен не только своей жизнью, но и своими трудами.

Основным сочинением Сиднея являются «Рассуждения о правительстве» («Discourses Concerning Government», 1698, написаны между 1681 и 1683 гг.). В этой книге он вступил в полемику с Р. Филмером, автором трактата «Патриархия: защита естественной власти королей от неестественной свободы народа» («Patriarcha: A Defence of the Natural Power of Kings against the Unnatural Liberty of the People», 1680), защищавшим абсолютную монархию с помощью библейских аргументов и ссылок на патерналистский характер царствования государей. Стоит отметить, что монархист Филмер оказался сильным раздражителем: в противовес его трактату были написаны также знаменитые «Трактаты о правлении» («Treatises on Government», 1689) Дж. Локка.

Сидней следовал за основными аргументами Филмера, противопоставляя каждому из них контрзаявление. Если Филмер старался показать, что королевская власть по существу была властью родительской, что избрание правителей поэтому было «неестественным» делом и что короли неподотчетны законам, то Сидней настаивал на том, что родительская власть принципиально отлична от политической, что избирать правителей можно и должно и что короли полностью подвластны законам государства.

В своей полемике Сидней опирался на разнообразные способы аргументации. Он использовал глоссарий естественного права, чтобы продемонстрировать возникновение государства и чтобы сослаться на натуральный характер человеческой свободы. Атакуя Филмера, Сидней старательно повторяет доводы монархомахов. Подобно Мильтону, Сидней решительно поддерживает право подданных на сопротивление и свержение монарха.

Кто же будет носить башмак, который жмет, лишь по той причине, что сапожник заявил: мол, работа хорошая? И кто будет жить в доме, что не защищает от крайностей непогоды, лишь потому, что каменщик или плотник уверяют: мол, дом пригодный?

<...>

Это правило обязывает нас вникать в дела государства и изучать оригинальные принципы правления вообще и нашего правления в частности. Мы не сможем отличить истину от лжи, правое от неправого, или познать, каким послушанием мы обязаны магистрату, или чего нам от них ожидать в отношении правосудия, покуда мы не знаем, кто он, откуда он взялся, и кто его сделал тем, что он есть. Такие вопросы иные называют «секретами государства», а иные стараются даже убедить нас в том, что их следует считать тайной (*arcana*); но тот, кто признается в незнании этих вопросов, тот одновременно признается и в собственной неспособности вынести хоть какое-то суждение о вещах, связанных со сложным сооружением (*superstructure*), и, делая это, явно показывает всем остальным, что они и вовсе не должны прислушиваться к словам подобного человека¹⁹.

Говоря о предпочтительном устройстве государства, Сидней начинает применять республиканские концепции. В свободном государстве править должны достойнейшие, наиболее добродетельные граждане. Их власть будет опираться, во-первых, на согласие подданных, а, во-вторых, на достоинства самих правителей: сознательные граждане будут избирать лишь тех, кто в наибольшей степени заслуживает быть избранным. В своей критике наследственного доступа к властным должностям Сидней (хоть он сам и был аристократом) оказывается близок к Харрингтону. И Сидней, и Харрингтон, реагируя на политический контекст Английской революции и последовавших за ней событий, использовали республиканский политический язык для обоснования учреждения новой властной конфигурации, в которой ключевую роль заняла бы аристократия, опирающаяся не на право рождения, а на гражданские достоинства, поддерживаемые соответствующим институциональным обрамлением.

Подобно Макиавелли и Харрингтону, Сидней настаивает на том, что республики в наибольшей степени подготовлены к агрессивному расширению своих владений и к ведению войны, отмечая: «То правление является лучшим, которое наилучшим образом готово к войне»²⁰. Вполне в духе Макиавелли звучит и одна из *bon mots* Сиднея, характерных

---

¹⁹ *Sydney A. Discourses Concerning Government. L., 1698. P. 9.*

²⁰ *Ibid. P. 165.*

для его яркого стиля: «Бог помогает тем, кто сам о себе заботится»²¹. Как видим, Сидней в полной мере отдал дань описанию республиканской *vita activa*.

«Рассуждения о правительстве» Сиднея оказали — как, впрочем, и труды Харрингтона — большое влияние на формирование американского республиканизма. Тракта́т Сиднея — концептуальный сплав естественно-правовой теории, теории народного суверенитета и республиканизма, ставшего в данном контексте полноправной частью английской политической традиции.

Тексты Мильтона и Сиднея могут казаться более радикальными, чем текст Харрингтона. Однако важно учитывать полемическую направленность и контекст, в которых создавались эти труды. Сочинения Мильтона и Сиднея были созданы в ходе острой полемики, были направлены против конкретных образцов монархической публицистики (таких как «Eikon Basilike» и «Patriarcha») и были в конечном счете ориентированы на легитимизацию того положения дел, которое сложилось в Англии после падения монархии и казни короля; не в последнюю очередь их целью было оправдать саму эту казнь. В этом смысле Милтон и Сидней использовали широкий набор доводов, доставшийся им от более старой традиции, прежде всего от монархомахов, чтобы оправдать совершившееся и доказать право парламента низвергнуть короля вооруженной рукой. Но полемическая цель оказывалась одновременно и ограничителем: приводя многочисленные риторически отточенные доводы в поддержку народного суверенитета, Милтон и Сидней уделяли мало внимания вопросу о том, каким образом республика должна решать возникающие перед ней практические задачи, каким образом она способна защититься от коррупции и внутренней нестабильности.

Харрингтон в «Океании» решал более сложную задачу: ему нужно было не приводить доводы в пользу народного суверенитета или права подданных казнить монарха, а проанализировать социальные основания республиканского правления и найти оптимальный баланс, который позволил бы решить проблему темпоральной хрупкости республики. На этом пути он тщательно разработал концепцию имущественно-аграрного равновесия и политического баланса, основанного

---

²¹ Sidney A. Discourses Concerning Government. P. 166.

на ротации и многоступенчатых выборах. Эти идеи стали настоящими инновациями, оказав громадное влияние на последующее развитие республиканских теорий и концепций.

Вопросы для обсуждения

1. Сравните трактаты «Государь» и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» Н. Макиавелли. В чем заключаются сходства и различия двух текстов?
2. Сравните взгляды Н. Макиавелли, Дж. Харрингтона, Дж. Мильтона и А. Сиднея на приспособленность республиканской формы правления к военному делу.
3. В чем заключаются сходства и различия между республиканскими идеями Дж. Харрингтона и теориями народного суверенитета монархомахов?
4. Прочтите работу британского историка Кв. Скиннера «Свобода до либерализма», подготовьте ее конспект. Каковы аргументы Скиннера в поддержку концепции «неоримской свободы», которую он находит в сочинениях английских республиканцев XVII в.?

Рекомендуемая литература

Макиавелли Н. Избранные сочинения / Н. Макиавелли. М. : Худ. лит., 1982. 503 с.

Отман Ф. Франкогаллия / Ф. Отман ; публ., вступ. ст., коммент. И. Я. Эльфонд. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2015. 280 с.

Юсим М. А. Макиавелли : Мораль, политика, фортуна / М. А. Юсим. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2011. 511 с.

Harrington J. The Oceana and Other Works of James Harrington, with an Account of His Life by John Toland / J. Harrington. L. : Becket and Cadell, 1771. 632 p.

Junius Brutus. Vindiciae contra tyrannos : A defence of liberty against tyrants / Junius Brutus. L. : Richard Baldwin, 1689. 70 p.

Milton J. Eikonoklastes in Answer to a Book Entitled Eikon Basilike the Portrature of his Sacred Majesty in his Solitudes and Sufferings / John Milton. L. : Matthew Simmons, 1649. 240 p.

Milton J. The Tenure of Kings and Magistrates / John Milton. NY : Henry Holt and Co, 1911. 185 p.

Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment : Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition / J. G. A. Pocock. Princeton : Princeton Univ. Press, 1975. 602 p.

Pocock J. G. A. James Harrington and the Good Old Cause : A Study of the Ideological Context of His Writings / J. G. A. Pocock // The J. of British Studies. Vol. 10, no. 1 (Nov., 1970). P. 30–48.

Skinner Q. Liberty before Liberalism / Q. Skinner. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1998. 142 p.

Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought : 2 vols. / Q. Skinner. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1978. Vol. 2. 414 p.

Sydney A. Discourses Concerning Government / Algernon Sidney. L. : [S. n.], 1698. 462 p.

3. РЕСПУБЛИКАНИЗМ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ: ДОБРОДЕТЕЛЬ, КОММЕРЦИЯ И ПРОГРЕСС

3.1. ПРОБЛЕМА РОСКОШИ В XVIII в.

Помни, существуют два зла в правлении,
от которых нет лекарства:
несправедливая деспотическая власть государя
и развращение нравов народа роскошью.
Ф. Фенелон. Приключения Телемака. 1699

Важную роль в распространении республиканских идей и концепций сыграл французский мыслитель, епископ Камбре ФРАНСУА ФЕНЕЛОН (1651–1715). В 1699 г. он издал «Приключения Телемака» («Les Aventures de Telemaque») — политический роман, посвященный проблеме воспитания монарха. В увлекательной форме Фенелон излагает собственные политические идеи, являющиеся смесью христианского квиетизма и республиканского интереса к Античности.

Юный наследник трона царства Итаки Телемак странствует по миру греческой мифологии вместе со своим наставником мудрым Ментором (в конце книги предстающим в качестве богини мудрости Афины), познавая искусство править государством. Образцовые государства Крит и Салент в «Приключениях Телемака» презентуют авторский идеал.

В Саленте Ментор организовал процветающую торговлю, обеспечив купцам безопасность и с помощью законов исключив банкротства.

Однако одновременно он принял самые суровые меры против распространения роскоши:

Внутри города Ментор осматривал все лавки с товарами, заведения художников, рынки и площади; запретил иностранные товары, требуемые для неги и роскоши; определил пищу, одяние, утварь, обширность, убранство домов для всех состояний; возбранил украшения серебряные и золотые¹.

Ментор также посоветовал Идоменею изгнать всех ремесленников, производящих предметы роскоши (за исключением тех скульпторов, чьи умения можно будет употребить для создания образов великих людей ради памяти их славных деяний). Изгнанные ремесленники должны будут заняться сельским трудом. Согласно Ментору (и Фенелону), элита должна выделяться добродетелями, а не роскошью, а «презрение богатства, истощающего царство, и ограничение желаний истинными нуждами природы — прямое обогащение»². В 22–23-й книгах Телемак и Ментор наблюдают эффекты социальных реформ. Салентяне, избавившись от роскоши, стали более отважными в военных делах, развили привычку к труду и, не имея больше великолепных дворцов и украшений, ни в чем не нуждались. Царь Салента Идоменей правит по законам, вдохновляя подданных личным примером.

Описывая образцовое государство Салента, Фенелон использовал то же противопоставление роскоши и добродетели, что и Макиавелли. Подобно Макиавелли, он описывает, каким образом социальная политика оказывается способной производить гражданскую добродетель. Конечно, Фенелон не был республиканцем: его идеальные республики куда более миролюбивы, чем республики в представлениях Дж. Мильтона или А. Сиднея, хотя и готовы обороняться от врагов. Кроме того, Фенелон считал вдохновителем реформ просвещенного монарха, мудрого и правящего по законам своей страны (воспитанию такого государя и были посвящены «Приключения Телемака»). Тем не менее, роман Фенелона сыграл важную роль для трансляции республиканской

---

¹ Фенелон Ф. Телемак : в 2 т. СПб., 1839. Т. 1. С. 313.

² Там же. С. 319.

антитезы роскоши и добродетели в широких кругах читателей XVIII в., в том числе и в России, где он был чрезвычайно популярен.

В XVIII в. республиканские идеи Фенелона оказались подвергнуты критике теми авторами, которые видели в развивающемся производстве и торговле предметами роскоши не коррупцию нравов, а их «очищение» (*refinement*). Такие мыслители, как ЖАН-ФРАНСУА МЕЛОН (1675–1738), автор трактата «Политическое рассуждение о коммерции» («*Essai Politique sur le Commerce*», 1734), доказывали: производство и торговля полезны, а не вредны государствам, поскольку увеличивают доход и цивилизуют подданных, прививая им изящные и просвещенные манеры. Кроме того, международная торговля сближает государства, заставляя их отказываться от кровопролитных войн. На базе торгового обмена открывается миролюбивая перспектива. Наконец, торговля и производство способствуют свободе, а не вредят ей, так как только в свободном обществе они могут процветать: любые проявления тирании приведут к гибели торговли и бегству капитала за рубеж.

3.2. МОНТЕСКЬЁ И ТЕОРИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Республика по своей природе
требует небольшой территории,
иначе она не удержится.

III. Монтескьё. О духе законов. 1748

Другим влиятельным философом, обратившимся к республиканской проблематике, был французский мыслитель ШАРЛЬ-ЛУИ ДЕ МОНТЕСКЬЁ. В «Размышлениях о причинах величия и падения римлян» («*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*», 1734) Монтескьё предлагает детальный анализ классической республиканской темы. Развивая идеи Макиавелли, он настаивает на том, что, хотя Римская республика была по своей сути предназначена для военного расширения, истощение завоевательной программы и чрезмерный рост территории стали причиной ее кризиса. В главе 9 «размышлений» Монтескьё присоединяется к Макиавелли,

полагавшему, что гражданские распри внутри республики не подрывали, а, напротив, укрепляли ее военное могущество:

Авторы, пишущие о Риме, все время говорят о раздорах, погубивших его. Но при этом они не замечают, что эти раздоры были необходимы, что они существовали всегда и должны были существовать всегда. Единственное зло заключалось в обширности республики, вследствие чего народные беспорядки превратились в гражданские войны. В Риме неизбежно должны были существовать раздоры; его воины, столь гордые, смелые и грозные для врагов, не могли быть очень смиренными дома. Требовать, чтобы свободное государство состояло из людей, отважных на войне и робких во время мира, это значит желать невозможного. Можно установить общее правило, что всякий раз, когда мы замечаем, что в государстве, называющем себя республикой, все спокойно, то можно быть уверенным, что в нем нет свободы³.

Идеи о *благотворности внутреннего конфликта* для сохранения свободы государства были переосмыслены Монтескьё в виде концепции баланса ветвей власти, которая представлена в знаменитой книге об «английской конституции» — в трактате «О духе законов».

Однако законы Рима подходили для расширения, но совершенно не подходили для управления обширной территорией, поскольку на ней не получалось поддерживать связь между гражданами, необходимую для культивирования гражданской добродетели.

Причина того, что свободные государства менее долговечны, чем другие, состоит в том, что как их несчастья, так и их удачи почти всегда приводят к потере ими свободы. Но удачи и несчастья государства, где народ подчинен, одинаково закрепляют его рабство. Мудрая республика не должна отваживаться на такие предприятия, исход которых зависит от превратностей судьбы. Единственное благо, к которому она должна стремиться, это устойчивость государств⁴.

---

³ Монтескьё III. Избранные произведения. М., 1955. С. 87.

⁴ Там же. С. 86.

Самая известная работа Монтескьё, трактат «О духе законов» («De l'Esprit des Lois», 1748), была настоящей энциклопедией политических идей и концепций, среди которых видное место занимал и республиканизм. В этом трактате Монтескьё постарался модифицировать аристотелевскую классификацию форм правления. Его оригинальная классификация опиралась не на количественные характеристики власти (власть одного, власть немногих, власть всех), а на принцип правления: республика (подразделяемая в соответствии с аристотелевской традицией на демократию и аристократию) опирается на «добродетель», монархия — на «честь», а деспотизм — на «страх». Политическая философия Монтескьё предполагает, с одной стороны, анализ соответствия правлений своим «принципам», а с другой — географический и климатический контекст (обширные державы имеют тенденцию быть деспотиями или монархиями, республики — небольшими государствами; умеренный северный климат способствует свободе, жаркий южный — рабству).

Хотя Монтескьё сохранил важнейший республиканский тезис о том, что республики опираются на добродетель, он одновременно подверг ревизии жесткое противопоставление роскоши и добродетели. В очерченном выше споре между сторонниками и противниками коммерции он занимал позицию, более близкую к Ж.-Ф. Мелону, чем к Ф. Фенелону. Противопоставление роскоши и добродетели Монтескьё считал значимым для великих республик древности, однако в современной Европе места для них практически не оставалось. По мнению Монтескьё, прогресс коммерции и производства сделал современных европейцев цивилизованными, смягчил и очистил их нравы, заменив военизированную добродетель изящными манерами.

Между тем, представление о республике как о небольшом государстве, способном эффективно развивать коммерцию и новые цивилизованные и рафинированные манеры, стало — во многом благодаря Монтескьё — характерным для политической мысли XVIII в. Как отмечает современный исследователь Д. Гриффитс, «среди атрибутов республиканского правления — поглощенность заботами о благополучии граждан, поощрение торговли, мореплавания и производства за счет ослабления средневековых ограничений, благородная политика толерантности и защиты различных взглядов и убеждений. <... > Если

говорить в целом, считалось, что республика ориентировалась на торговлю, ей была присуща социальная терпимость, но в то же время и консерватизм»⁵.

Монтескьё, таким образом, занимает противоречивое положение в интеллектуальной традиции республиканизма. С одной стороны, он развивает целый ряд идей Макиавелли (необходимость добродетели для республик, благотворность внутренних конфликтов), с другой — по вопросу о коммерции и роскоши он скорее стоит на стороне коммерческого прогрессизма, либеральной политической теории. Кроме того, специфический интерес Монтескьё к историко-географическому контексту вел к признанию того, что для обширных территорий больше подходят монархии.

3.3. РЕСПУБЛИКАНИЗМ Ж.-Ж. РУССО

Если кто-либо откажется подчиниться общей воле,
то он будет к этому принужден всем организмом,
а это означает не что иное, как то,
что его силою принудят быть свободным.
Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре. 1762

Идеи Фенелона и Монтескьё оказали большое влияние на виднейшего республиканского мыслителя XVIII в. ЖАНА-ЖАКА РУССО. Сочинение Руссо под названием «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» («Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes», 1754) содержало весомые аргументы в пользу эгалитаризма, демократизма и значения равенства для учреждения республиканского строя.

Руссо использует противопоставление здоровья и болезни для того, чтобы говорить о дикости и цивилизации (в частности, упоминает о прекрасном здоровье дикарей). Однако развитие экономики порабощает людей, порождая взаимную зависимость, а следом — аппарат

---

⁵ Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир : Статьи разных лет. М., 2013. С. 79.

угнетения, служащий богатым и могущественным. К цивилизованности и коммерции Руссо в «Рассуждении» отнесся без всякого уважения:

Из общества и из роскоши, им порождаемой, возникают свободные и механические искусства, торговля и промышленность, науки и все те излишества, что содействуют расцвету ремесел, обогащают и губят государства⁶.

Добродетель же, согласно Руссо, опирается на естественное чувство *сострадания* (*pitie*), которое цивилизованные люди способны подавить в себе с помощью тонкой и циничной философии.

Впрочем, в отношении равенства Руссо в одном из примечаний к собственному тексту делает крайне важное замечание:

Полная равномерность в распределении была бы противна даже тому строгому равенству, что присуще естественному состоянию, если бы эта равномерность и была осуществима в гражданском обществе; и поскольку все члены государства обязаны служить ему сообразно своим дарованиям и силам своим, то, в свою очередь, граждан следует отличать и возвышать соответственно их служению⁷.

Дело в том, что «ранг граждан» должен «определяться не личными их достоинствами, что означало бы дать магистратам возможность применять Закон почти произвольно, но на основании той службы, которую они фактически несут государству и которая поддается более точной оценке»⁸. «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» стало, таким образом, сильным высказыванием в противовес взглядам на благотворную роль коммерческого и производственного прогресса, характерным для Ш. Монтескьё, Д. Юма и А. Смита.

В другом своем сочинении, «О политической экономии» («De l'économie politique», 1755), Руссо продолжил свою критическую линию. Здесь он подчеркивает: между интересами правителя и поддан-

---

⁶ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре : Трактаты. М., 1998. С. 103.

⁷ Там же. С. 108.

⁸ Там же. С. 150.

ных не существует никакой естественной связи. Власть является лишь результатом хитрой узурпации, создания аппарата принуждения, возносящего богатых и эксплуатирующего массу бедняков. Руссо вновь берет эгалитарный тон, описывая разногласия, царящие в обществах под маской согласия. Ведь для правителя и подданных государство является игрой с нулевой суммой (исключая, разумеется, те случаи, когда сувереном становится сам народ). Поэтому неудачна столь любимая монархически настроенными авторами метафора монарха-отца: если отец обязан следовать голосу природы, то правитель «должен руководиться только общественным разумом, который есть Закон». Но то же самое справедливо и для отношений между государством и меньшими ассоциациями: «Иной может быть благочестивым священником, или храбрым солдатом, или ревностным патрицем, но плохим гражданином»⁹.

Итак, политическая философия Руссо ориентирована, во-первых, на критику существующего социального порядка с его коммерцией и цивилизацией, и, во-вторых, на поиск гражданского идеала, развертываемый с помощью республиканской риторики, в частности, многочисленных античных примеров. Республиканская добродетель Руссо — результат социального конструирования, качество, которым наделены граждане, воспитанные в соответствующем духе.

В трактате «Об общественном договоре» («Du contrat social, ou Principes du droit politique», 1762) Руссо оставляет в стороне свои критические описания внутренних противоречий в государстве, занимаясь теперь вопросом об учреждении образцовой республики. В отличие от Макиавелли и Монтескьё, Руссо теперь настаивает на том, что в благоустроенных республиках раздоров и противоречий не существует, поскольку там правит *общая воля* (*volonte general*), основанная на законе, который должно выполнять правительство. Расхождение между личной и общей волей влечет за собой своеобразное принуждение:

Если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его силою принудят быть свободным¹⁰.

---

⁹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. С. 114.

¹⁰ Там же. С. 164.

Руссо подвергает анализу ряд практических вопросов управления республикой. Так, при голосовании по государственным вопросам чем важнее вопрос, тем более единогласия требуется от голосующих, а чем меньше времени на обсуждение, тем меньше и требования к квалифицированному большинству (при острой необходимости перевес даже в один голос будет считаться решающим). В вопросе о том, как должно осуществляться замещение должностей в республике, Руссо уделяет внимание республиканской концепции жеребьевки. Военные должности, требующие особых дарований, он советует замещать по выбору, а судебские — по жребию. Магистрат в демократической республике — это не привилегия, а обязанность, поэтому будет честным делить ее по жребию. В заключение своего трактата Руссо доказывает необходимость «гражданской религии» в республике. Здесь он следует за Макиавелли, критикуя христианскую этику за культивирование смирения и фатализма, ослабляющих армию на поле боя, и обращаясь к классическим примерам Спарты и Рима.

Принципиально важной новацией оказалось то, как Руссо использовал договорной политический язык естественно-правовой теории для обоснования республиканской добродетели в категории «общей воли» (*volonte general*). Концепция *общей воли* была важным вкладом Руссо в развитие республиканских идей. Как отмечает современный историк К. Бейкер, «Руссо сформулировал идею общей воли как абстрактную теорему, однако он обсуждал необходимость в сохранении общей воли и опасность потери ее — смерть политического тела — с помощью социологического языка классического республиканизма. Таким образом, основной чертой политического мышления, которую Руссо привнес в классический республиканский диагноз коррупции гражданской доблести в современном коммерческом обществе, было теоретическое решение, предполагавшее радикальную демократизацию теории общественного договора, понятого теперь как фундаментальный базис для прямого политического участия всего тела гражданства в политических делах. Гражданская добродетель и общая воля были неразрывно связаны: одна не могла выжить без другой»¹¹.

---

¹¹ Baker K. Transformations of Classical Republicanism in Eighteenth — Century France // The J. of Modern History. 2001. Vol. 73 (March). P 42.

В целом, республиканский анализ Руссо был могучим орудием социальной критики. Куда более сложной проблемой было решение конструктивных задач: откуда же берется республика? Проблему возникновения республики Руссо пришлось решать, вводя в трактате «Об общественном договоре» фигуру законодателя — «необыкновенного человека», учредителя республики, способного внушить своим соотечественникам те или иные взгляды, но не являющегося правителем. Республиканский историзм особенно ярко проявился в пространном предисловии Руссо к «Рассуждению о происхождении и основаниях неравенства между людьми», где говорится:

Я никак не хотел бы жить в республике, недавно образовавшейся, как бы хороши ни были ее законы, из опасения, что форма правления, устроенная, быть может, иначе, чем это требовалось бы в данный момент, не соответствовала бы новым гражданам, или граждане не соответствовали бы новой форме правления, и государству грозили бы потрясения и гибель почти с самого его рождения. Ибо свобода подобна той грубой и сочной пище или тем благородным винам, которые хорошо питают и укрепляют людей сильных и к ним привыкших, но только отягощают, обессиливают и опьяняют слабых и изнеженных, которые к ним не приучены¹².

Античные объяснительные модели подсказывали Руссо: чтобы *стать свободным*, народу требуется уже *быть свободным* в своем прошлом.

Вопросы для обсуждения

1. Как проблема роскоши/добродетели, поставленная у Ф. Фенелона, рассматривалась Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо?
2. Сравните идеи Ж.-Ж. Руссо об организации власти в республике, представленные в трактате «Об общественном договоре», с идеями Дж. Харрингтона, представленными в трактате «Республика Океания» (гл. 2). В чем вы находите сходства и различия?
3. Сравните идеи Ш. Монтескье, представленные в трактате «Размышления о причинах величия и падения римлян», с идеями Н. Макиавелли и Полибия о цикличном ходе истории. В чем вы усматриваете сходства, а в чем — различия?

---

¹² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. С. 32–33.

4. Внимательно изучите трактат Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре», а также соответствующие главы работы американского философа К. Поппера «Открытое общество и его враги». Можно ли согласиться с К. Поппером, полагавшим, что «общая воля» Руссо — теория, имеющая «тоталитарные последствия»? Обоснуйте свое мнение.

Рекомендуемая литература

Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир : статьи разных лет / Д. Гриффитс. М. : НЛО, 2013. 530 с.

Монтескьё Ш. Избранные произведения / Шарль-Луи Монтескьё. М. : Гослитиздат, 1955. 799 с.

Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. / К. Поппер. М. : Культурная инициатива, 1992. Т. 2. 525 с.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре : трактаты / Ж.-Ж. Руссо. М. : Канон-пресс ; Кучково поле, 1998. 416 с.

Фенелон Ф. Телемак : в 2 т. / Ф. Фенелон ; пер. Ф. Лубяновского. СПб. : Гуттенберг. тип., 1839. Т. 1. 330. Т. 2. 310 с.

Baker K. Transformations of Classical Republicanism in Eighteenth — Century France / K. Baker // The J. of Modern History. 2001. Vol. 73 (March). P. 32–53.

Hont I. Jealousy of Trade : International Competition and the Nation-State in Historical Perspective / I. Hont. Cambridge : Harvard Univ. Press, 2010. 541 p.

Hont I. The Early Enlightenment Debate on Commerce and Luxury / I. Hont // The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2008. P. 379–418.

4. АМЕРИКАНСКИЕ РЕСПУБЛИКАНЦЫ XVIII — НАЧАЛА XIX в.

4.1. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИСТОКИ АМЕРИКАНСКОГО РЕСПУБЛИКАНИЗМА

Я вручаю моему сыну сочинения
Алджернона Сиднея, Локка и лорда Бэкона,
гордоновского Тацита и «Письма Катона».

Да почует на нем дух свободы!

Дж. Куинси-младший. Из завещания. 1774

Американская политическая мысль накануне провозглашения независимости была во многом основана на интеллектуальной традиции метрополии. Наследие наиболее известных и почитаемых авторов — Дж. Мильтона, Дж. Харрингтона, Дж. Локка, Ф. Хатчесона, А. Сиднея, Дж. Свифта, а также работы мыслителей эпохи Просвещения, таких как Вольтер и Ш. Монтескьё (идеализировавших английскую форму правления), и некоторых европейских мыслителей XVII–XVIII вв. — делали английскую историю естественным источником вдохновения и примером для американских колонистов.

Вместе с тем, социально-политическая ситуация в 13 английских колониях коренным образом отличалась от метрополии, ведь в Новом свете отсутствовали такие традиционно влиятельные институты, как англиканская церковь и родовая аристократия. Эти отличия привели к тому, что консервативные идеи английских «тори» находили в колони-

ях мало симпатий, и, наоборот, самые радикальные представления о свободе и идеалы крайних республиканцев получали широкую поддержку.

Особой популярностью среди колонистов пользовались идеи так называемой *country party* («партии земли»), существовавшей в Англии между 1680-ми и 1740-ми гг. Эта партия (под партией здесь подразумевается прежде всего идеологическая платформа или движение) рассматривала в качестве наиболее значимых гражданских достоинств истинную приверженность свободе, умеренность и добродетельность, следование долгу и стремление активно защищать свои убеждения. Сторонники *country party* (а среди них был, например, писатель Дж. Свифт) противопоставляли себя так называемой *court party* («партии двора») — находившейся у власти, деградировавшей и развращенной группе «тори» и «вигов». Яркие публицисты *country party* Дж. Тренчард и Т. Гордон опубликовали в Англии начале 1720-х гг. «Письма Катона», порицавшие разложение и аморальность британской политической системы и предостерегавшие от возможного установления тирании. Само имя древнеримского политического деятеля Катона, республиканца и непримиримого противника Юлия Цезаря, демонстрировало симпатии авторов. Письма были весьма популярным чтением на протяжении следующих нескольких десятилетий. Любопытно, что *country party* в метрополии после 1740-х гг. фактически растворилась среди конвенциональных политических течений, однако получила вторую жизнь в американских колониях Британии.

Вторым важным источником для формирования идеологии американских республиканцев стала античная традиция, известная колонистам по сочинениям Цицерона, Саллюстия и Тацита, а также Тита Ливия и Плутарха. Все эти авторы жили в эпоху падения Римской республики и формирования империи. Большинство из них превозносили республику, республиканский дух и ценности в противовес надвигавшейся или уже установившейся деспотии. Для американских колонистов параллели с современной им эпохой были очевидны: развращенная и деградировавшая метрополия стремится установить безусловное господство над простыми, нелицемерными и добродетельными гражданами. Их провинциализм служит защитой от пороков столицы и двора, находящихся за морями. Образ «доброго провинциала», встречающийся у римских авторов периода ранней империи, идеально соответствовал ценностям английской *country party*, о которой говорилось выше.

Еще одним если не источником, то, по крайней мере, фоном для развития американского республиканизма стало богословие американских протестантских проповедников XVII в. — *богословие конвенанта* (Завета). Религиозная составляющая этих идей касалась трактовки исторического процесса как последовательности Божественных Откровений (коих, как и дней творения, признавалось шесть). На каждом новом этапе Откровение все больше открывает человеку Божественный замысел. Разумеется, на идеи американских республиканцев повлияли и демократизм протестантских церквей, и идеология равенства, и теоретически обоснованное отсутствие единой церковной организации. В период так называемого «Великого пробуждения» (*ривайвелизма*) 1730–1760-х гг. в колониях резко увеличилось количество церквей и проповедников, в особенности среди групп, традиционно не имевших права проповедовать библейские истины. Кроме того, значимую роль в идеологии американского республиканизма сыграло представление об избранности американского народа и провиденциальном значении колонизации Америки. Это было крупнейшим «светским» следствием американского богословия XVII — начала XVIII в.

4.2. РЕСПУБЛИКАНИЗМ ПЕРИОДА АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

О воин непоколебимой,
Ты есть и был непобедимой,
Твой вождь — свобода, Вашингтон.
А. Н. Радищев. Вольность. Ок. 1783

Изначально американские интеллектуалы и политические деятели не проявляли особых республиканских симпатий, хотя и сочувствовали в большинстве своем радикальной британской политической мысли. Вплоть до начала противостояния с метрополией Англия воспринималась как легитимный политический центр, а британская конституционная монархия — как лучшая (хотя и не лишенная недостатков) форма правления. С 1763 г. Британия начинает ужесточать законодательство в отношении своих североамериканских колоний: повышаются суще-

ствующие и вводятся дополнительные налоги, колонистам запрещается селиться на свободных землях к востоку от Аппалачей, в колониях расквартировываются британские войска. В 1773 г. в Бостонском порту (колония Массачусетс) организованная группа колонистов, называвших себя «Сыны свободы», пробралась на корабль, прибывший с грузом облагавшегося повышенным налогом чая. Колонисты давно сопротивлялись чрезмерному обложению импорта чая и отказывались приобретать его у британских торговцев. «Сыны свободы» выбросили за борт чай на сумму 10 тыс. фунтов стерлингов. В ответ на это британский парламент принял так называемые «невыносимые законы», ограничивавшие политические права колонистов на избрание местных чиновников и представительство в местных законодательных органах. Борьбу Массачусетса поддержали другие колонии.

Именно в период с 1763 по 1776 г. в американском обществе произошел резкий поворот в сторону республиканских симпатий. Один из отцов-основателей США Джон Адамс (1735–1826) отмечал, что это и была настоящая Американская революция. Главным политическим понятием для американских интеллектуалов еще до 1763 г. стала *свобода*. Борьба между колониями и метрополией осмыслялась как борьба за свободу против господства, которое свойственно любой власти. Важной особенностью американского республиканизма было то, что он противостоял не только монархическому деспотизму, но и тирании британского парламента и министров. Любые сомнения относительно того, что представительный орган — парламент — может практиковать тиранию, американцы рассеивали при помощи идеи о коллективном деспотизме. Кроме того, все почитаемые в колониях английские публицисты утверждали, что английский парламент погряз в пороке и подвергается давлению правительства, искусно манипулирующего депутатами.

Священник из Коннектикута Э. Болдуин писал:

Если мы рассмотрим все дела [британских] министров и парламента... никто не сможет сомневаться, что существует четкий план порабощения колоний или подчинения их деспотическому правлению¹.

---

¹ Op. cit.: The American Revolution : Writings from the Pamphlet Debate : 2 vols. / ed. G. S. Wood. NY, 2015. Vol. 2. P. 103.

Господство и деспотизм были несовместимы со свободой, и человек не мог, не став рабом, жить без свободы. Многочисленные памфлеты, наводнившие колонии накануне провозглашения независимости, требовали подняться на защиту свободы. Великолепный оратор и депутат законодательного собрания колонии Вирджиния Патрик Генри (1736–1799) емко выразил устремления революционной эпохи фразой: «Дайте мне свободу или смерть!»

Вскоре после публикации «Невыносимых законов» в колониях начал распространяться памфлет под названием «Здравый смысл». Его автор, недавно прибывший в Америку из Англии иммигрант Томас Пейн (1737–1809), обрушился на британского короля Георга III, которого он называл «дикарем», на британский парламент и правительство. Пейн утверждал:

Монархия несовместима со свободой. <...> Есть нечто абсурдное в предположении, что континент будет вечно находиться под управлением острова².

Американцы сделали выбор в пользу независимости: 13 колоний на конгрессе в Филадельфии приняли Декларацию независимости (1776). В декларации, составленной убежденным сторонником республики вирджинским плантатором Томасом Джефферсоном (1743–1826), было записано:

В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье³.

В то время как новая республика на полях сражений отстаивала свою независимость от Британии, американские интеллектуалы осмыслили

---

² Пейн Т. Избранные сочинения / под ред. М. П. Баскина. М., 1959. С. 41.

³ Соединенные Штаты Америки : Конституция и законодательство / под ред. О. А. Жидкова. М., 1993. С. 25.

основания, гарантирующие стабильность нового порядка. Лидер бостонских «Сынов свободы» СЭМЮЭЛЬ АДАМС (1722–1803) утверждал:

Мы можем искать помощи армий для того, чтобы защитить себя, но на самом деле наша лучшая защита — это добродетель. Ни одно государство не может хоть сколько-нибудь длительное время сохранять свободу, если не почитает добродетель наивысшим образом⁴.

Ему вторил его двоюродный брат Дж. Адамс, утверждавший, что «общественная добродетель есть единственное основание для республики».

Общественная или гражданская добродетель подразумевала стремление к общему благу, ставящемуся превыше личных интересов и связей. Граждане должны были активно участвовать в общественной жизни: служить в народном ополчении, участвовать в судебных разбирательствах в качестве присяжных, а наиболее добродетельные и мудрые — еще и избираться в представительные органы. Помимо добродетели и общественной активности, граждане республики должны были также поддерживать неусыпную бдительность, чтобы после победы не потерять свои завоевания и не предаться в руки тирана. Опасность тирании не только внешней, но и внутренней была важным лейтмотивом республиканской мысли.

Рассуждая о добродетели, американские интеллектуалы обычно делали ссылки на античные образцы. Один из лидеров бостонских республиканцев ДЖЕЙМС УОРРЕН (1741–1775), обращаясь к толпе, в 1775 г. даже облачился в римскую тогу, чтобы наглядно продемонстрировать ценности, которые он защищает. Помимо Римской республики, превозносилась и Древняя Спарта. Английские мыслители от «партии земли» и французские философы (такие как Монтескьё) настаивали, что истинная добродетель обыкновенно сопряжена с жизнью простой, без излишеств, ровно такой, какой она по общим представлениям была в Спарте.

Кроме того, в качестве одного из важнейших примеров сохранения республиканских ценностей американские республиканцы называли Швейцарию и... саму Англию. Идеальным историческим временем английской свободы считался период до норманнского завоевания.

---

⁴ The Writings of Samuel Adams : 4 vols. / ed. H. A. Cushing. NY, 1904. Vol. 1. P. 235.

Один из наиболее ярких памфлетистов эпохи Американской революции Джеймс Отис (1725–1783) писал:

Наши предки до нашествия первых норманнских тиранов обладали более полной свободой и лучшим пониманием ее, чем все их потомки, до тех пор, пока не сочли нужным ... выйти на бой против произвола и злодейства Стюартов⁵.

Антибританская аргументация американских республиканцев состояла не только из апелляций к античным образцам и классическим примерам доблести и добродетели. Ключевой особенностью «республиканизма по-американски» было внимание к юридической стороне взаимоотношений общества и власти, в том числе колоний и метрополии. Знаменитым лозунгом восставших колонистов было «Нет налогов без представительства!» (“No taxation without representation!”). Под этим в колониях разумели то, что Британия не может налагать на колонии новые налоги, поскольку колонисты не избирают своих представителей в британский парламент. Дж. Отис соединил этот лозунг с идеологией классического республиканизма, заявив: «Налоги без представительства есть тирания!» Колонистам были прекрасно знакомы и теория естественного права, и понятие *неотчуждаемых прав*. Они пошли даже дальше в ее развитии, чем А. Сидней или Дж. Локк. В Декларации независимости США утверждалось:

Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью⁶.

Это положение стало центральным для американской политической мысли и поддерживалось абсолютно всеми революционными силами во время Войны за независимость.

---

⁵ Цит. по: Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. М., 2010. С. 55–56.

⁶ Соединенные Штаты Америки : Конституция и законодательство. С. 25.

4.3. РЕСПУБЛИКАНЦЫ ПРОТИВ КОНСТИТУЦИИ

Я всегда питал высокое уважение к Вашему народу,
который сумел самым благородным образом
воспользоваться своей независимостью,
выработав себе свободную и мудрую конституцию,
обеспечивающую счастье всех и каждому в отдельности.
Александр I. Письмо к Т. Джефферсону. 1804

Период до провозглашения независимости был лишь прологом к горячим дискуссиям первого десятилетия американской государственности. Именно в это время, после триумфального завершения войны с Британией (1783), лучшие американские интеллектуальные силы были вовлечены в интенсивные дебаты о том, каким образом организовать управление в новой республике. Как писал Дж. Мэдисон в 51-м выпуске сборника политических эссе «Федералист»:

Если бы люди были ангелами, то в правительстве не было бы нужды. Если бы людьми правили ангелы, ни в каком надзоре над правительством — внешнем или внутреннем — не было бы нужды. Но при создании правления, в котором люди будут вестись людьми... в первую очередь надо обеспечить правящим возможность надзирать над управляемыми; а вот вслед за этим необходимо обязать правящих надзирать за самими собой⁷.

Теоретические дискуссии в этот период шли рука об руку с политической практикой — новое государство остро нуждалось в оформлении основных законов. Первой вехой на этом пути были Статьи Конфедерации и вечного союза (1781). Дебаты вокруг слабости центральной власти, созданной после принятия статей, привели к созыву Конституционного Конвента, который выработал текст Конституции США (1787).

В послереволюционные годы американцы накопили значительный опыт «практического республиканизма» — каждый штат принял

---

⁷ Гамильтон А. Федералист : Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 1994. С. 347.

собственную конституцию со своей вариацией республиканского правления. Разработчики конституций штатов руководствовались идеями Монтескьё о разделении властей и необходимости введения законодательных установлений для взаимного сдерживания и уравнивания полномочий между ветвями власти. «Сдержки и противовесы» были призваны предотвратить тиранию, опасность которой все еще казалась весьма реальной.

Первоначальная версия Конституции США была написана Джеймсом Мэдисоном (1751–1836), но итоговый текст в значительной степени являлся продуктом компромисса между различными штатами. Конституция аккумулировала опыт предшествующего десятилетия. Главным ее смыслом было создание сильного центрального («федерального») правительства, состоявшего из двухпалатной законодательной власти (Конгресса), исполнительной власти во главе с избираемым на четыре года президентом и судебной власти (Верховного суда). В пределах своих полномочий решения всех ветвей федеральной власти имели верховенство над решениями властей отдельных штатов.

Центральная власть имела право вводить обязательные для всех штатов новые налоги, выносить судебные решения, создавать федеральную армию. Президент становился главой государства и избирался населением, а не законодателями. Впрочем, многие участники Конституционного Конвента разделяли традиционные республиканские опасения, что такой президент может легко превратиться в короля. Делегат от штата Вирджиния Джордж Мейсон (1725–1792) утверждал также, что народ не имеет достаточного опыта и мудрости, чтобы выбирать президента. Итоговая схема выборов президента, как и весь текст Конституции, стала результатом компромисса: каждый штат формировал коллегию выборщиков согласно собственным правилам, а уже выборщики от всех штатов, собравшись вместе, избирали президента. Коллегия выборщиков как дополнительный фильтр полностью соответствовала республиканским идеалам. Выборщики, по задумке представлявшие лучших людей своих штатов, должны были гарантировать, что президентом станет человек, исполненный республиканских добродетелей и опыта. Кроме того, такая схема давала штатам больше влияния на процесс выборов президента.

Для вступления Конституции в действие требовалось ее одобрение по крайней мере девятью штатами (из 13). Согласно плану, в штатах

в течение 1787–1790 гг. собрались местные ратификационные конвенты. Дискуссии, развернувшиеся в период между появлением текста Конституции и ее окончательной ратификацией, называют в англо-американской историографии «Великими дебатами». В аргументации участников этих дебатов раскрываются различные грани американского республиканизма.

В ходе дебатов сложились две «партии»: *федералисты* (они поддерживали безусловное принятие Конституции) и *антифедералисты* (предлагали принять Конституцию с поправками либо полностью отвергали ее). Крупнейшими фигурами в лагере федералистов были нью-йоркский юрист и государственный деятель АЛЕКСАНДР ГАМИЛЬТОН (1757–1804) и разработчик первоначального проекта Конституции Дж. Мэдисон. Они стали основными авторами цикла эссе в защиту Конституции под названием «Федералист». Гамильтон и Мэдисон пользовались псевдонимом «Публий», отсылая к легендарному римскому законодателю и обращаясь таким образом к античному республиканскому этосу.

Антифедералисты (сами себя они предпочитали называть республиканцами) также зывали к античному республиканизму. Один из наиболее заметных антифедералистских публицистических циклов был подписан «Брутом», а другой «Катоном». Кроме этого, большую популярность получил и еще один анонимный автор — «Земледелец федерации» (Federal Farmer), также высказывавшийся против ратификации Конституции. Этот псевдоним отсылал к классическому образу добродетельного республиканского земледельца. За псевдонимами скрывались лучшие силы антифедералистов — ЭЛБРИДЖ ГЕРРИ (1744–1814) и Дж. Мейсон — делегаты Конституционного Конвента, отказавшиеся подписать итоговый документ, и МЕЛАНХТОН СМИТ (1744–1798), государственный деятель штата Нью-Йорк.

Возражая против ратификации Конституции, антифедералисты видели основную опасность в консолидации власти в столице. Центральное правительство, утверждали они, рано или поздно становится преследователем свободы. Отделенные от своих избирателей географическим расстоянием и социальным происхождением, члены центрального правительства могут легко составить заговор против республики и установить тираническое правление. Опасения антифедералистов

были выражены в ходе дебатов одним из делегатов Массачусетского ратификационного конвента:

Эти юристы и другие ученые мужи, а также люди с деньгами, которые говорят столь складно... рассчитывают сами оказаться в составе Конгресса... сосредоточить полную власть и все деньги в своих руках... затем они проглотят нас, простой бедный народ, как огромный Левиафан⁸.

Крайне отрицательно антифедералисты относились к зафиксированной в Конституции возможности федерального правительства создавать и финансировать постоянную армию. Еще в английской политической мысли конца XVII в. постоянная армия считалась оружием тирании. Конгресс или президент смогут легко использовать ее в своих целях, поскольку солдаты и офицеры такой армии будут получать жалованье из федеральной казны, а, следовательно, не будут связаны с народом. Один из участников ратификационного конвента в Южной Каролине утверждал, что постоянная армия будет силой оружия проводить деспотические законы. Законной альтернативой федеральной армии, по мнению антифедералистов, являлись ополчения штатов (*militia*). Они не будут отрываться от народа и никогда не будут служить столичному тирану.

Антифедералисты рассматривали себя как подлинных защитников ценностей и идеалов революционной эпохи. Они были убеждены, что навязываемая их оппонентами Конституция неизбежно приведет к тирании, худшей, чем тирания английского короля. Люди слабы, рассуждали антифедералисты, подвержены страстям и моральному разложению. Никому, даже самому добродетельному человеку, нельзя доверять, если он возносится на вершины власти. Антифедералисты цитировали Монтескье, который утверждал, что республика возможна только в малых государствах. Автор, скрывавшийся под псевдонимом «Брут», писал:

В большой республике находятся обладатели больших состояний, не склонные к умеренности... В большой республике общее благо при-

---

⁸ The Essential Debate on the Constitution : Federalist and Antifederalist Speeches and Writings / ed. B. Bailyn, R. Allison. NY, 2018. P. 390.

носится в жертву тысячам интересов... В малой же общий интерес лучше виден, более понятен и легче доступен большинству граждан; злоупотребления не столь обильны и не столь безнаказанны⁹.

Исходя из этого, антифедералисты заключали, что США могут существовать, только если строго соблюдается суверенитет штатов, которые и представляют из себя малые свободные республики.

Часть антифедералистов была согласна признать Конституцию, но только в том случае, если в нее включают перечень неотчуждаемых прав: свободу совести, слова, печати, собраний, право на суд присяжных, защиту от необоснованных арестов и обысков, право ополченцев в штатах носить оружие. Один из ярких публицистов периода Войны за независимость П. Генри утверждал, что только Билль о правах может гарантировать свободу при сильном центральном правительстве.

В конечном итоге идеалом антифедералистов была небольшая республика, где добродетельные и трудолюбивые земледельцы живут в своих общинах, наслаждаясь семейным бытом, заботятся об общем благе и имеют такие местные правительства, которые позволяют им вести простую и честную жизнь.

Идеалом федералистов, напротив, была мощная независимая республика, опирающаяся на могучую военную силу, экономически развитая, торгующая со всем миром и конкурирующая на равных с великими европейскими державами. Существовавшее до принятия Конституции положение виделось федералистам бесперспективным, а в случае иностранного вторжения и прямо опасным. Сильное национальное правительство в глазах Гамильтона и Мэдисона не могло нарушить американских свобод. Большая республика не уничтожит правительства отдельных штатов.

Наоборот, Мэдисон утверждал, что только большая республика и может быть гарантией от хаоса и гражданской войны. Он призывал:

Расширьте границы, и вы увидите все большее и большее разнообразие групп и интересов; возникновение большинства, имеющего общую причину посягать на права сограждан, станет маловероятно¹⁰.

---

⁹ Цит. по: Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. С. 222.

¹⁰ Цит. по: Там же. С. 236.

Один из наиболее ярких сторонников безусловной ратификации Конституции федералист Джеймс Уилсон (1742–1798) доказывал, что источником исполнительной и судебной власти также является народ, поэтому они будут так же подконтрольны народу, как члены законодательного корпуса. Уилсон писал:

Те, кто управляют согласно законам и приводят их в исполнение, по большому счету являются лишь слугами и, следовательно, в той же степени друзьями народа, как и их избиратели¹¹.

Федералисты не оспаривали напрямую тезис о свойственной человеческой природе порочности, однако, как это выразил Гамильтон, считали, что

...представление о всеобщей продажности не уступает по ошибочности политическим рассуждениям о всеобщей честности¹².

Впрочем, некоторые из федералистов пошли еще дальше, утверждая, что добродетель не является необходимым условием существования республики. Один из ярких федералистов, ученый-лексикограф из штата Коннектикут Ноа Уэбстер (1758–1843), полагал, что главное в республике — это собственность и землевладение, именно их разумное распределение гарантирует незыблемость республиканских порядков.

Борьба за ратификацию была выиграна федералистами. 11 штатов одобрили Конституцию к 1788 г., а в последующие два года к ним присоединились оставшиеся два. Однако федералисты сделали важную уступку: они согласились принять Билль о правах как поправки к Конституции. Поправки внес сам Дж. Мэдисон, в силу они вступили в 1791 г.

---

¹¹ The Works of Honourable James Wilson : 3 vols. Philadelphia, 1804. Vol. 1. P. 399.

¹² Гамильтон А. Федералист. С. 495.

4.4. ФЕДЕРАЛИСТЫ И РЕСПУБЛИКАНЦЫ ПОСЛЕ РАТИФИКАЦИИ КОНСТИТУЦИИ

На месте благородной любви к свободе
и республиканскому правлению,
позволившим нам одержать триумфальную победу в войне,
вырастает теперь восхищающаяся Британией
монархическая партия аристократов,
общепризнанная цель которых — восстановить у нас,
в сущности, одну из форм британского правления.
Т. Джефферсон. Из письма. 1796

Разные представления федералистов и антифедералистов об идеальной республике не изгладились и после окончательной ратификации Конституции штатами и принятия Билля о правах. В 1790-е гг. в США сформировались две политические партии. *Федералистская партия*, ведомая А. Гамильтоном, продвигала идею сильной торговой республики с постоянной федеральной армией и сильной властью центрального правительства. Конституцию федералисты 1790-х гг. призывали трактовать широко: правительство должно иметь возможность использовать любые методы, чтобы достигнуть своих законных целей. Гамильтон был англофилом и рассматривал Британию как политический образец.

Против Федералистской партии выступила *Демократическо-республиканская партия* (сами себя они называли просто республиканцами). В этой партии оказался бывший сторонник и друг Гамильтона Дж. Мэдисон, но настоящим ее лидером стал автор Декларации независимости Т. Джефферсон. Идеалом Джефферсона была аграрная республика, где добродетельные землевладельцы получают широкое самоуправление в штатах и отдельных графствах. У такой республики не должно быть постоянной армии (за исключением периода большой войны), а только организованное ополчение (*militia*) в штатах. Центральное правительство в республике должно быть жестко ограничено рамками Конституции, которую следовало трактовать буквально. Джефферсон симпатизировал Франции и положительно оценивал Французскую революцию.

Борьба между двумя партиями шла все 1790-е гг. Первый президент США Дж. Вашингтон в большей степени разделял позицию Гамильтона, хотя и старался держаться над партиями. Партийное противостояние обострилось после отказа Вашингтона баллотироваться на третий срок. На выборах 1796 г. победу одержал кандидат от Федералистской партии Дж. Адамс, однако уже на следующих выборах республиканцы смогли консолидировать своей электорат, и президентом стал Т. Джефферсон. Через восемь лет президентом был избран Дж. Мэдисон. Федералисты вскоре после этого перестали существовать (не последнюю роль в этом сыграли патриотические настроения периода войны с Британией 1812 г.).

Несмотря на исчезновение партии федералистов, их институциональное и идейное наследие сохраняется в американской политической культуре, в том числе в отдельных программных положениях современной Демократической партии. В целом, идеалы и представления североамериканских республиканцев оказали значительное влияние на развитие республиканизма по всему миру, в том числе и в России. Американским примером вдохновлялись, в частности, А. Н. Радищев, отдельные декабристы (Н. М. Муравьев) и даже авторы правительственных конституционных проектов первой четверти XIX в., не исключая и самого императора Александра I.

Вопросы для обсуждения

1. Почему основными источниками для формирования идей американского республиканизма выступили сочинения английских политических радикалов?
2. Как вы объясните тот факт, что добродетель считалась главным качеством настоящего республиканца в Америке в революционную эпоху?
3. Какие причины были у республиканцев, чтобы выступить против ратификации Конституции США? Какие аргументы приводились в пользу ее ратификации?
4. Каким образом противоречия между федералистами и антифедералистами привели к созданию первых политических партий в США? В чем заключались их разногласия?

Рекомендуемая литература

Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции / Б. Бейлин. М. : Новое изд-во, 2010. 308 с.

Болховитинов Н. Н. Великие документы Американской революции / Н. Н. Болховитинов // Американская цивилизация как исторический феномен: восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М. : Наука, 2001. С. 449–462.

Вуд Г. С. Идея Америки : Размышления о рождении США / Г. С. Вуд. М. : Весь мир, 2016. 432 с.

Гамильтон А. Федералист : Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея / А. Гамильтон ; под общ. ред., с предисл. Н. Н. Яковлева ; коммент. О. Л. Степановой. М. : Прогресс : Литера, 1994. 590 с.

Пейн Т. Избранные сочинения / Т. Пейн ; под ред. М. П. Баскина, пер. с англ. Ф. Ф. Вермель. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 422 с.

Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / под ред. О. А. Жидкова ; пер. О. А. Жидкова. М. : Прогресс : Универс, 1993. 765 с.

American Quarterly. 1985. Vol 37, no 4. Republicanism in the History and Historiography of the United States (*special iss.*).

The Anti-Federalist Papers and the Constitutional Convention Debates / ed. and with an intr. by R. Ketcham. NY : Signet Classics, 2003. 440 p.

The Essential Debate on the Constitution: Federalist and Antifederalist Speeches and Writings / ed. Bailyn B., Allison R. NY : Library of America, 2018. 512 p.

5. ГЕНЕЗИС РОССИЙСКОГО РЕСПУБЛИКАНИЗМА

5.1. Историко-политическая мысль XVIII в.

Самодержавие, повсюду бед содетель,
Вредит и самую чистейшу добродетель,
И, невозбранные пути открыв страстям,
Дает свободу быть тиранами царям.
Я. Б. Княжнин. Вадим Новгородский. 1789

Адаптация политических идей республиканизма в России XVIII столетия была чрезвычайно сложным процессом. Собственной республиканской традиции в России в силу ряда причин не существовало. Мощная монархическая традиция интенсивно заимствовала европейские аргументы из языка форм правления, описывая республику как заведомо слабую политическую форму, непригодную для столь обширной державы. А не менее мощная традиция религиозно-этической мысли, опиравшаяся теперь на интенсивный приток европейской моралистической литературы, создавала барьер для адаптации республиканской, макиавеллистской концепции этики.

Тем не менее, адаптация осуществлялась, хотя процесс этот не был ни простым, ни быстрым. Прежде всего российская политическая мысль усвоила проблематику роскоши/добродетели. Посредником выступал, по-видимому, популярный в России текст Фенелона (см. гл. 3.1). Наиболее ярким воплощением этого политического языка стало уто-

пическое сочинение историка и публициста князя М. М. ЩЕРБАТОВА (1733–1790) «Путешествие г-на С... шведского дворянина в землю Офирскую» (1770-е гг.), написанное, правда, «в стол» и опубликованное лишь спустя столетие.

Другим вариантом адаптации республиканского политического глоссария стала сложившаяся к середине XVIII в. концепция дворянского доминирования. Дворянские публицисты и теоретики, такие как А. П. Сумароков, М. М. ЩЕРБАТОВ, Ф. О. Туманский и др., доказывали, что именно дворянство в вестернизирующейся России является наиболее сознательной, наиболее добродетельной социальной группой, способной осуществлять руководство всеми остальными социальными стратами, в первую очередь крестьянами. Но развитие этой теории, презентовавшей дворян как образцовых граждан, чей статус закреплен воспитанием и особого рода «любочеством», не приходило в противоречие с господствовавшей политической культурой монархизма: дворянская добродетель коренилась не в самих дворянах, а в их способности лояльно и старательно исполнять грандиозные замыслы российских монархов.

Наиболее последовательно республиканские идеи были адаптированы в российской историко-политической литературе XVIII в., посвященной древнейшему российскому прошлому — основанию государства и призванию варягов. Вопрос о политической системе Новгорода не был предметом рефлексии средневековых книжников. Однако с середины XV в. в историописании за новгородцами закрепляется образ мятежников: появляются сюжеты о Гостомысле, новгородском старейшине, и о Вадиме Новгородском, которые позднее приобретут фундаментальное значение для формирования мифа о дорюриковой республике. Важное значение для конструирования новгородского мифа имела и «Повесть о новгородском белом клобуке».

Кардинальный поворот в осмыслении российской общественной мыслью сюжета о древнем Новгороде произошел в начале XVIII в. Около 1715 г. находившийся в шведском плену секретарь российского посольства А. И. Манкиев (ум. 1723) закончил фундаментальный исторический труд «Ядро Российской истории» (первоначально написанный А. Я. Хилкову), в котором утверждал:

На северной России в полуночных странах россияне... образ гражданства имели демократической и жили всяк по своей воле. <...> Многие веки жители Новгорода жили общиною и правили своими землями и уездами¹.

Именно в тексте Манкиева республиканская форма правления впервые оказалась соотнесена с древним Новгородом, который одновременно предстал могущественным городом. «Ядро» было весьма популярно среди российских читателей XVIII в. Под влиянием Манкиева Новгород называли республикой такие авторы, как Г. Миллер, Н. С. Ильинский, И. П. Елагин, М. М. Щербатов и многие другие. Параллельно с этим сконструированная историками XVIII в. Новгородская республика приобретает собственных героев — эту роль стал играть Вадим Храбрый, второстепенный летописный персонаж, которого Ф. А. Эмин (1735–1770) в своей «Российской истории» представил идейным республиканцем.

Вместе с тем, признание республиканского характера древней новгородской государственности не было идеологическим актом, отражавшим политические взгляды историков и направленным на критику монархии. Большинство авторов XVIII в., хотя и готовы были обсуждать преимущества и недостатки различных форм правления, считали монархию благодетельной для России, а падение Новгородской республики — закономерным. Однако, поскольку исторические сюжеты становились все более ориентированными на широкую публику, поиск убедительных сюжетных моделей заставлял историописателей все больше и больше импортировать римскую образность; описания Новгорода выстраивались по модели экзemplификации, соответствия античным образцам.

Яркий пример использования римской образности и историзма — сочинения А. Н. Радищева (1749–1802). Хотя «Путешествие из Петербурга в Москву» не может в полной мере считаться республиканским трактатом (текст Радищева чрезвычайно сложен и задействует целый ряд тем и глоссариев), в случаях, когда речь заходит об истории, автор применяет республиканские концепты. Так, он вспоминает о былом историческом величии Новгородской республики, используя описание Манкиева. В оде

---

¹ Хилков А. Я. Ядро российской истории. М., 1770. С. 20–21.

«Вольность», частично включенной в текст «Путешествия», Радищев в полной мере описывает *anakyklosis* в духе Полибия («Сей был и есть закон природы, неизменяемый никогда ...»). Наконец, в «Песни исторической» Радищев — с опорой, очевидно, на Монтескье — старательно воспроизводит историю о расцвете и упадке Римской республики²:

Иль се жребий есть всеобщий,
Чтоб возвышенная сила
Власть, могущество, блеск славы
Упали, были гнусны?
И рачание о власти
Для того ее лишь множат,
Чтоб тому она досталась,
Кто счастливее их будет?

Республиканский образ Новгорода и сюжет о гибели Вадима-тираноборца нашли отражение в драме Я. Б. Княжнина (1740–1791) «Вадим Новгородский» (1789). Это сочинение оказалось наиболее последовательным воплощением республиканских концепций в России XVIII в., хотя сам Княжнин никогда не был идейным сторонником республики и явно не намеревался атаковать монархию. Тем не менее, логика экзemplификации привела Княжнина к созданию текста по римским лекалам, где центральный персонаж, Вадим, демонстрирует идеи Саллюстия и Макиавелли. Новгород предстает могущественной, воинственной республикой, приходящей в упадок из-за постоянных раздоров. Рюрик — новгородский Цезарь — призван положить конец раздорам и водворить порядок; Вадим — новгородский Катон — ведет против него отчаянную борьбу, безжалостно манипулируя близкими людьми, чтобы придать еще больше вдохновения защитникам гибнущей «вольности». Потерпев на поле боя неудачу, Вадим вместо того, чтобы воспользоваться благородным милосердием Рюрика, который готов даже отдать ему царский венец, убивает себя, заявив перед смертью: «Нет боле у меня отечества, граждан!»³

---

² Радищев А. Н. Полное собрание сочинений : в 3 т. М. ; Л., 1938. Т. 1. С. 110–111.

³ Княжнин Я. Б. Избранные произведения. Л., 1961. С. 302.

И хотя драма Княжнина была запрещена, а экземпляры книги уничтожены, она оказалась достаточно популярной у читателей (достаточно сказать, что в последующее десятилетие вышло две «контрдрамы» авторства М. М. Хераскова и П. А. Плавильщикова, представляющие альтернативный взгляд на конфликт Вадима с Рюриком, в котором Вадим предстает алчным честолюбцем-смутьяном).

Анализ сочинений Я. Б. Княжнина и А. Н. Радищева показывает: республиканская интеллектуальная модель оказалась адаптирована в России XVIII в. главным образом через историческую литературу, на основании импорта римской образности.

5.2. ДЕКАБРИСТЫ. П. И. ПЕСТЕЛЬ

Народ российский не есть принадлежность
или собственность какого-либо лица или семейства.

Напротив того, правительство есть принадлежность народа,
и оно учреждено для блага народного,
а не народ существует для блага правительства.

П. И. Пестель. Русская правда. 1823

Декабристское движение было разнородным по своей сути, однако республиканские идеи, адаптированные в XVIII столетии, оказали на него достаточно сильное влияние. Наиболее ярким из проектов декабристов является знаменитая «Русская правда» (1823), написанная П. И. Пестелем (1793–1826), лидером Южного общества декабристов. Этот проект конституции для будущей России стал важным свидетельством дальнейшего развития республиканизма на российской почве.

«Русская правда» — сложный в концептуальном отношении текст, включающий понятия и риторику либеральной и естественно-правовой традиции⁴. Однако Пестель делает и целый ряд важных замечаний,

---

⁴ Сочинение Пестеля было рукописным и известно в трех редакциях; сводный текст, которым обычно пользуются исследователи, является не в полной мере единым. Тем не менее, различия между редакциями не являются принципиальными, а потому и текстология «Русской правды» несущественна в данном курсе.

относящихся к республиканской интеллектуальной традиции. Это явствует из анализа главы 3 его сочинения, в которой речь идет о словной структуре общества.

Здесь Пестель говорит о необходимости «постепенности» в социально-политической организации, чтобы уменьшить тяготы правления –

... чтобы политическое отвеченное пространство, отделяющее массу народную от верховной власти, на разные степени было разделяемо, и степени сии начинали бы от массы народной и восходили бы до верховной власти⁵.

Феодальная система, господствующая в России, является запутанной: народ разделен на несколько сословий, враждующих между собой. Поэтому сословная система, созданная для того, чтобы доставлять привилегии отдельным лицам за счет *народной массы*, должна быть ликвидирована. Пестель решительно выступил в эгалитарном духе. Так, старая система рекрутчины и военных поселений также должна была быть уничтожена, ее заменил бы набор *ратников* из среды граждан на основании жребия (подробно об этом должно было говориться в главе 8 «Русской правды», но текст так и не был закончен).

Единственной же «постепенностью» в системе управления должно быть чиновничество, формируемое на принципах меритократии:

Постепенность в государстве необходима и находится не в народных сословиях, но в государственном чиновничестве, которое всегда может состоять совершенно от сословий независимым, ибо в чиновнике нужны способности, знания и добродетели, могущие быть найдены во всех сословиях и не составляющие принадлежности которого-либо из них в особенности. Изложенное здесь понятие весьма важно и должно во всех случаях руководствоваться соображениями всякого благомыслящего правительства⁶.

Пестель критически относится к «аристократии», причем это касается не только феодальной дворянской элиты, но и «аристократии богатств», которую он считает еще более опасной: концентрация

---

⁵ Пестель П. И. Русская Правда, наказ Верховному Правлению. СПб., 1906. С. 57.

⁶ Там же. С. 58.

богатств неизбежно приведет к коррупции нравов. Поэтому «Русская правда» в главе 4 достаточно много внимания уделяет механике выборной системы, позволяющей гарантировать меритократический принцип продвижения в состав «чиноначальства»:

Порабощающая сила аристократов и богатых вмешалась в сие дело и превратное представила толкование, вследствие коего во многих представительных государствах предоставлено участие в избрании представителей одним только богатым, людям за исключением большинства граждан. <...> Все не могут быть богатыми, малейшая часть граждан изобилием пользоваться может, а с тем вместе при таком устройстве представительства породится в государстве отдельное от массы народной сословие богатых, о котором в сей же главе доказано, что оно есть самое пагубное и зловерное. Богатые всегда будут существовать, и это очень хорошо; но не надобно присоединять к богатству еще другие политические права и преимущества, за исключением бедных. А посему и возлагается неперемнная обязанность на верховное правление описанное в сем параграфе затруднение разрешить посредством представительного порядка и в полной мере всякую даже тень аристократического порядка, хоть феодального, хоть на богатстве основанного, совершенно устранить и навсегда удалить, дабы граждане ничем не были стесняемы в своих выборах и не были принуждаемы взирать ни на сословие, ни на имущество, а единственно на одни способности и достоинства и руководствоваться одним только доверием своим к избираемым ими гражданам⁷.

Высшими органами власти новой России должны были стать двухпалатный парламент, нижняя палата которого («Народное вече») избиралась бы на пять лет и ежегодно подвергалась бы ротации на 1/3 часть. Правительство представляло бы собой коллегиальный орган — Государственную думу из пяти человек, подверженную ежегодной ротации.

Для того, чтобы искоренить нищету и застраховать государство от возникновения «аристократии богатств», Пестель также предусмотрел земельную реформу. Во всех волостях (основных территориальных единицах, на которые должна быть разделена страна) должен быть уч-

---

⁷ Пестель П. И. Русская Правда, наказ Верховному Правлению. С. 214.

режден общественный земельный фонд, не поддающийся отчуждению. Из него участки получают все нуждающиеся — каждый участок должен быть достаточен для содержания семьи из мужа, жены и трех детей. При этом имеется и фонд частных земель. Лишиться общественного участка можно либо по своей воле, либо если власти отберут его «за гласный и доказанный разврат»⁸. Такая реформа позволит поддерживать независимый статус граждан, укрепит политическую связь между членами волости и «вселит в граждан ту благородную самостоятельность, которая признана быть должна сильнейшею подпорою государства»⁹. Нетрудно заметить: Пестель говорит здесь о пресловутой республиканской *virtu*.

Идеи Пестеля относительно пагубности «аристократии богатств», его эгалитаризм, его интерес к выборному механизму и системам ротации, к системе наделения общественной землей указывают на их связь с республиканской традицией. Конечно, «Русскую правду» нельзя считать в полной мере выражением преобладающих настроений декабристской среды, однако она достаточно ярко показывает ту роль, которую классический республиканизм, адаптированный на российской почве в XVIII в., сыграл в событиях 1825 г.

Вопросы для обсуждения

1. Сравните социально-политическое устройство «Офирии» М. М. Щербатова с «Салентом» Фенелона. В чем заключаются их сходства и различия?
2. Внимательно изучите «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Что автор говорит о проблеме роскоши? Можно ли его взгляды на роскошь и коммерцию считать республиканскими?
3. Сравните проект П. И. Пестеля с другим важнейшим документом декабристской традиции — «Конституцией» Н. И. Муравьева. Нашли ли, на ваш взгляд, идеи республиканизма отражение в сочинении Муравьева?
4. Изучите статью современного исследователя В. А. Каплуна «“Жить Горацием или умереть Катонem”: российская традиция гражданского республиканизма (конец XVIII — первая треть XIX века)». Подготовьте ее конспект.

---

⁸ Там же. С. 206.

⁹ Там же. С. 207.

Рекомендуемая литература

Бугров К. Д. Естественное право и добродетель : Интеграция европейского влияния в российскую культуру XVIII в. / К. Д. Бугров, М. А. Киселев. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та : Университет. изд-во, 2016. 476 с.

Бугров К. Д. Республика мечей или торговая республика? Российская историческая мысль XVIII — начала XIX в. о военной мощи республиканского Новгорода / К. Д. Бугров, С. В. Соколов // Cahiers du Monde Russe. 2018. № 1. Р. 93–116.

Каплун В. А. «Жить Горацием или умереть Катоном»: российская традиция гражданского республиканизма (конец XVIII — первая треть XIX века) / В. А. Каплун // Неприкосновенный запас : [интернет-журн.]. 2007. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/55/ka16-pr.html> (дата обращения: 01.03.2018).

Княжнин Я. Б. Избранные произведения / Я. Б. Княжнин. Л. : Сов. писатель, 1961. 770 с.

Муравьев Н. М. Проект конституции / Н. М. Муравьев // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1951. С. 295–329.

Пестель П. И. Русская Правда, наказ Верховному Правлению / П. И. Пестель. СПб. : Культура, 1906. 245 с.

Радищев А. Н. Полное собрание сочинений : в 3 т. / А. Н. Радищев. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. 503 с.

Хилков А. Я. Ядро российской истории / А. Я. Хилков. М. : Моск. ун-т, 1770. 420 с.

Щербатов М. М. Избранные труды / М. М. Щербатов. М. : РОССПЭН, 2010. 630 с.

Эмин Ф. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, всевеликия и вечной достойныя памяти императора Петра Великого действия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере златого века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающая : в 3 т. / Федор Эмин. СПб. : Имп. Акад. наук, 1767. Т. 1. 452 с.

6. РЕСПУБЛИКАНИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ

6.1. ЭТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ П. А. ЛАВРОВА

Общество вне личностей
не заключает ничего реального.

П. А. Лавров. Исторические письма. 1868

П. А. Лавров (1823–1901) — крупный российский публицист, ведущий идеолог народничества. Его наиболее влиятельной работой является трактат «Исторические письма» (1868–1869, опубликованы впервые в газете «Неделя» по частям, в 1881 г. к ним было добавлено письмо 16-е), ставший поистине настольной книгой для оппозиционно настроенной российской интеллигенции 2-й половины XIX в.

Лавров был сторонником прогрессизма («все попытки мыслителей, которые, подобно Вико, старались свести историю на процесс повторяющихся явлений, оказались весьма неудачны»¹), в этом отношении его невозможно отнести к республиканской традиции. История для него — «наука прогресса», однако прогресс этот совершается усилиями небольшого меньшинства людей. В письме 3 Лавров замечает:

Всюду и всегда личности, выработавшие в себе какой-либо прогресс, должны были бороться с неисчислимыми препятствиями, тратить на эту

---

¹ Лавров П. А. Исторические письма. Пг., 1917. С. 22.

борьбу самую значительную долю своих сил и своей жизни, чтобы только отстоять свое право на физическое, умственное развитие. Лишь при особенно выгодных обстоятельствах им это удавалось².

Но прогресс «критически мыслящего меньшинства» покоится на плечах большинства, проживающего жизнь бесправия и отупляющего труда, чтобы доставить пропитание меньшинству. Философия истории Лаврова приобретает активистский характер: единственный путь, которым «критически мыслящая личность» может отплатить большинству, это всеми силами трудиться над приближением более справедливого, более прогрессивного социального строя, который позволит большинству человечества перейти на более высокий уровень.

Личности, представители «критически мыслящего меньшинства», и являются подлинными героями политической философии Лаврова. Это им, одухотворенным правильным пониманием прогрессистской этики, надлежит всеми силами бороться с косными силами за осуществление прогресса («Исторические письма» были подцензурны; Лавров нигде не упоминает о революции, однако подразумевает, конечно, ее). Эти личности являются подлинными двигателями истории.

Сделав подобное утверждение, Лавров, упреждая сокрушительный упрек в крайней форме субъективизма, переходит к анализу социологических причин, делающих активность «критически мыслящего меньшинства» возможной. Эту возможность открывает верное понимание прогресса (то есть то, как Лавров излагает данный вопрос, понимание того, какая из общественных «партий» является «партией прогресса», а какие — «партиями реакции»), которое можно разработать с помощью неустанной критики. Критика разоблачает разного рода ложную «идеализацию» и позволяет к тому моменту, когда от меньшинства потребуется действовать, выработать «пламенную веру» в идеалы прогресса.

«Исторические письма», таким образом, сочетают две магистральные темы. Первая — это *исторический прогрессизм*, связанный с крупными позитивистскими философскими системами XIX в. Вторая — это субъективная идеология, вводящая концепцию активной жизни,

---

² Лавров П. А. Исторические письма. С. 48.

опирающуюся, в свою очередь, на центральное для Лаврова понятие «критически мыслящей личности». При помощи такого акцента на личности Лавров отделял свою историческую теорию прогресса от натуралистского понимания истории. За этот субъективизм Лавров подвергался критике со стороны других теоретиков народничества (таких как П. Н. Ткачев), однако именно субъективизм делал идеи Лаврова столь притягательными для читателей. Философия Лаврова позволяет понять, каким образом в России 2-й половины XIX в. функционировала концепция *vita activa*. Так неожиданно в специфически российских условиях позитивистский прогрессизм обретал значение, близкое к образцам классического республиканизма.

6.2. МАРКСИЗМ, РЕСПУБЛИКАНИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ

Классы нельзя помирить,

как нельзя помирить волков и овец.

Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский. Азбука коммунизма. 1919

В отличие от П. А. Лаврова, российские социал-демократы были марксистами, то есть считали исторический прогресс объективным. Лидер большевистской партии В. И. Ленин (1870–1924) своеобразно развивал идеи марксизма. Концептуальные инновации Ленина, такие как знаменитые «Апрельские тезисы» (1917), позволили большевистской партии взять власть в 1917 г. и удержать на эту власть монополию, отказываясь идти на компромиссы с иными политическими группировками и партиями. Однако в основной своей работе («Государство и революция», 1917), посвященной вопросу о том, как же будет выглядеть государство после того, как большевистская партия возьмет власть, Ленин не выдвигал никаких республиканских идей, описывая переход от режима подавления враждебных классов к коммуне. Это дало оппонентам большевизма — например, ведущему теоретику партии эсеров В. М. Чернову в трактате «Конструктивный социализм» (1925) — критиковать Ленина за отсутствие созидательного плана:

Ленину казалось, что он один прекрасно понял мысль Маркса о возможности для победившего пролетариата просто воспользоваться для своих целей старой государственной машиной, о необходимости эту машину «разбить». Он воображал, что выполнит эту заповедь тем, что наводнит министерства, департаменты и канцелярии живым потоком «вооруженных рабочих». Что и говорить, такое наводнение на первый взгляд может показаться колоссальной ломкой. Но только на первый взгляд. Ибо все зависит от того, что произойдет после него³.

По мнению В. М. Чернова, в действительности «плебеизация управления», осуществленная большевиками, очень скоро приведет к возникновению новой бюрократии. Эта же проблема, впрочем, волновала и Ленина, который в своих последних работах («Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше», 1923) постарался наметить практические шаги, которые бы сохранили «пролетарскую диктатуру» от бюрократического перерождения. Шаги эти сводились бы к расширению Центрального комитета РКП(б), к слиянию партийного и административного аппарата одновременно с повышением требований к администраторам и расширению полномочий контрольных органов — Центрального контрольного комитета (ЦКК) и Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрина). Ленин жалуется на острую нехватку культуры:

Какие элементы имеются у нас для создания этого [властного] аппарата? Только два. Во-первых, рабочие, увлеченные борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены. Они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не могут этого сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделывать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще. Во-вторых, элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало по сравнению со всеми другими государствами⁴.

---

³ Чернов В. М. Конструктивный социализм. М., 1997. С. 141.

⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1970. Т. 45. С. 391.

Как видим, в борьбе с бюрократией Ленин возлагал особые надежды на партию. Как же должна была работать партия? Обратимся за разъяснениями к работе «Азбука коммунизма» (1919), написанной им совместно Н. И. Бухариным и Е. А. Преображенским (разделы о советской власти писал Бухарин). Эта работа была ориентирована на разъяснение основных идей большевизма широкому читателю и оказалась чрезвычайно популярной.

В отношении государства будущего «Азбука коммунизма» повторяла ленинские тезисы об отмирании государственного аппарата принуждения и о переходе к коммуне. Любая форма парламентской демократии, согласно «Азбуке коммунизма», является обманом, с помощью которого буржуазия угнетает рабочий класс. Маска парламентаризма — иллюзия «народного единения» (которое Бухарин с Преображенским яростно разоблачают как скрытое классовое господство капиталистов); в противовес этому обману «пролетарская диктатура» открыто себя называет диктатурой. Через эту диктатуру Советское государство будет двигаться в сторону коммуны, бесклассового общества, в котором уже не нужно будет никого подавлять и принуждать, в котором исчезнет всякое господство над людьми и останется только господство над вещами. Это задавало всему советскому социальному проекту телеологическое измерение, своего рода программу, которую нужно исполнить и завершить. В § 48 «Азбуки» говорится:

Суть дела ведь состоит в том, что нужно подавить сопротивление эксплуататоров. А раз эти эксплуататоры будут подавлены, обузданы, приручены; раз они перевоспитаются и превратятся в таких же трудящихся, как и все остальные, то, конечно, будут все больше и больше исчезать всякие «нажимы», и мало-помалу будет исчезать и диктатура пролетариата⁵.

Пока же эта диктатура существует, она опирается на беспрецедентный активизм трудящихся масс, поскольку вовлекает рабочие организации и Советы в управление государством. § 47 «Азбуки коммунизма» представляет собой настоящий гимн гражданской активности: конста-

---

⁵ Бухарин Н. И., Преображенский Е. А. Азбука коммунизма : Популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Пг., 1920. С. 135.

тировав, с одной стороны, вовлечение рабочих и крестьян в дела управления, ее авторы, с другой стороны, многократно сгущают на нехватку сознательности в массах, на потребность вырабатывать более высокий тип гражданского сознания, точно соответствуя мысли Ленина:

Препятствия лежат в недостаточном культурном уровне масс. Рабочих-передовиков сравнительно тонкий слой. Таковы, например, металлисты. Но есть отсталые слои, а в деревне уже и подавно. У них нет часто достаточной инициативы, почина, и тогда они могут остаться за бортом. Задачей нашей партии является систематическое, шаг за шагом идущее вовлечение и этих слоев в общую государственную работу. Поднимать к ней все новые и новые слои можно, конечно, лишь путем повышения их культурного уровня и организованности, что является точно так же задачей партии⁶.

Что же такое партия? В вопросах о партии и ее значении Бухарин и Преображенский выдвигали тезис, связанный с теорией «критически мыслящих личностей» П.Л. Лаврова. Партию авторы «Азбуки коммунизма» определяли как сознательное меньшинство, точно познавшее классовый интерес того социального слоя, который оно представляет. Партия пролетариата, следовательно, объединяет наиболее сознательных и деятельных (Лавров сказал бы — «критически мыслящих») личностей, готовых отстаивать интересы пролетариата; партия буржуазии, напротив, объединяет наиболее активных капиталистов, ищущих новые и новые способы сделать эксплуатацию угнетенных классов еще более жестокой.

В разделе о Красной армии (§ 65) Бухарин и Преображенский выражаются еще более определенно:

Партия коммунистов, если употреблять буржуазное выражение, является по воле масс правящей партией республики, т. к. ни одна другая партия не оказалась способной руководить до конца победоносной рабоче-крестьянской революцией. В результате наша партия превратилась в своего рода огромный исполнительный комитет пролетарской диктатуры⁷.

---

⁶ Бухарин Н. И., Преображенский Е. А. Азбука коммунизма. С. 133–134.

⁷ Там же. С. 165.

За этим утверждением следует чрезвычайно важное рассуждение авторов «Азбуки коммунизма» о дисциплине: армия «пролетарской диктатуры» опирается на сознательность, и каждый боец должен знать, что за приказом командира скрывается не интерес кучки капиталистов, а «вся рабоче-крестьянская республика». Партию в армии представляют комиссары, наблюдающие за командирами так же, как «политический руководитель смотрит за техническим исполнителем»⁸.

Такой взгляд на партию резко отличался от объективистского, прогрессистского взгляда на историю, неожиданно помещая в фокус большевистской социальной теории *активную личность*, способную при помощи своих качеств и таланта к «политическому руководству» превозмочь ход обстоятельств и вести за собой большинство. Марксистская вселенная социальных закономерностей, таким образом, обретала субъективистскую динамику, разрешавшую проблему актора на путях разработки идей о революционной партии «нового типа». Если взять пример Красной армии, то здесь объективная классовая реальность «пролетарской диктатуры» оборачивается субъективной личностью комиссара, по существу, распоряжающегося армией от имени этой объективной реальности.

Подведем промежуточные итоги. Все эти рассуждения напоминают об «общей воле» Руссо (см. гл. 3.3), с тем важным различием, что вместо теории народного суверенитета большевики предлагали теорию диктатуры пролетариата (как сообщает «Азбука коммунизма», поскольку народа «вообще» не существует, а существуют классы, возможна либо диктатура буржуазии под маской парламентской демократии, либо диктатура пролетариата). Эта теория одновременно означала легитимизацию властной монополии большевистской партии, поскольку партия — как мы видели выше — являлась неотъемлемой частью пролетарского класса, его лучшей частью; партия не представляет пролетариат, а воплощает его, и в этом смысле никакие процедурные методы определения и выбора не требуются при пролетарской диктатуре. Но и в этом тезисе скрывалась проблема, которая довольно неожиданным образом выводила на авансцену вполне республиканскую проблематику коррупции и гражданской добродетели, циклического

---

⁸ Там же.

упадка, а также характерный субъективизм социологии «критически мыслящих личностей» в духе Лаврова. Проблематику эту можно сформулировать следующим образом: как сама партия способна защититься от процесса перерождения и последующего упадка?

Вопросы для обсуждения

1. Внимательно изучите текст статьи «Что такое партия прогресса» П. Н. Ткачева. По каким направлениям он критикует «Исторические письма» П. Л. Лаврова? Подготовьте краткий конспект статьи.

2. Сравните взгляды В. И. Ленина на проблему бюрократизации системы управления, представленные в работах «Государство и революция» (т. 33 полного собрания сочинений), «Лучше меньше, да лучше» и «Как нам реорганизовать Рабкрин?» (т. 45 полного собрания сочинений).

3. Прочтите утопическое сочинение видного советского экономиста А. В. Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920). Можно ли обнаружить в тексте Чаянова республиканские идеи? Приведите аргументы в поддержку своей точки зрения.

Рекомендуемая литература

Бухарин Н. И. Азбука коммунизма : Популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков / Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский. Пг. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1920. 321 с.

Лавров П. Л. Исторические письма / П. Л. Лавров. Пг. : Изд. журнала «Русское богатство», 1917. 299 с. // Научное наследие России : электрон. б-ка : [сайт]. URL: <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=43495221> (дата обращения: 02.06. 2018).

Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. М. : Изд-во полит. лит., 1974. Т. 33. 433 с. 1970. Т. 45. 729 с.

Ткачев П. Н. Что такое партия прогресса / П. Н. Ткачев // Ткачев П. Н. Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1. С. 461–528.

Чаянов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии / Ив. Кремнев. М. : Гос. изд-во, 1920. 61 с.

Чернов В. М. Конструктивный социализм / В. М. Чернов. М. : РОССПЭН, 1997. 647 с.

7. МАРКСИЗМ И «КРАСНЫЙ РЕСПУБЛИКАНИЗМ» В СССР

7.1. Н. И. Бухарин. «Теория переходного периода»

Класс правит через партию, партия правит через вождей...
класс и партия имеют, так сказать, свой командующий кадр.

Этот командующий кадр технически необходим.

Н. И. Бухарин. Теория исторического материализма. 1923

Дебаты 1920-х гг. внутри правящей большевистской партии были сконцентрированы на вопросе перерождения. Оппозиция во главе с Л. Д. Троцким настаивала на том, что в силу социально-экономических реалей самой ВКП(б) угрожает перерождение, которое большевики, используя историческую аналогию, называли «термидором». Революция, иными словами, может оказаться циклическим процессом — так в языке оппозиции неожиданно воскресли республиканские модели: от своей восходящей фазы она через коррупцию и перерождение будет идти к «термидору», к контрреволюционному перевороту, совершаемому под маской свободы. Подобно лавровским «критически мыслящим личностям», оппозиционеры задавались вопросом о том, до какой степени написанные на «знаменах» правящего большинства лозунги отвечают направлению прогресса, понятого в марксистском ключе.

Объективизм марксистской социологии содержал и угрозу: каким образом способна диктатура пролетариата реализоваться в крестьянской стране в условиях отсутствия ожидавшейся большевиками

мировой революции? Тот же марксистский объективизм, который помог Ленину сокрушить Временное правительство и отмахнуться от Учредительного собрания, теперь угрожал крахом самой пролетарской диктатуре. Партийная оппозиция упрекала большинство ВКП(б) в капитулянтской политике, намекая на близкое «термидорианское перерождение» большевиков. Дебаты о политике оказались теперь дебатами о «критически мыслящем меньшинстве».

Обращаясь к истории в гл. 5, Троцкий охотно использует концепцию цикличности революционного процесса, приводит аналогии из французской истории:

Победе термидорианцев над якобинцами в XVIII веке тоже содействовали усталость масс и деморализация руководящих кадров. Но под этими конъюнктурными, по существу, явлениями шел более глубокий органический процесс. Якобинцы опирались на поднятые великой волной низы мелкой буржуазии; между тем революция XVIII века, в соответствии с ходом развития производительных сил, не могла не привести в конце концов к политическому господству крупную буржуазию¹.

Но использует Троцкий и республиканский глоссарий добродетели/коррупции: большевистская партия, придя к власти, переродилась под давлением «мелкобуржуазной» роскоши. Он охотно говорит о «деградации», о «вырождении» и о «разложении», подчеркивая при этом, что перерождение совершилось под давлением социальных условий, что выродившиеся большевики (в том числе и Сталин) были когда-то лояльными солдатами революции.

Несмотря на октябрьский переворот, национализацию средств производства, коллективизацию и «уничтожение кулачества как класса», отношения между людьми, притом на самых верхах советской пирамиды, не только не поднялись еще до социализма, но во многих отстают и от культурного капитализма².

---

¹ Троцкий Л. Д. Преданная революция: что такое СССР и куда он идет? М., 1991 // Lib.ru : библиотека Максима Мошкова : [сайт]. URL: <http://lib.ru/TROCKIJ/trockij1.txt> (дата обращения: 01.06.2018).

² Троцкий Л. Д. Преданная революция: что такое СССР и куда он идет?

Суммируя в главе 9 свои идеи относительно перерождения партии в СССР, Троцкий заключал:

Пресловутый лозунг «кадры решают все» гораздо откровеннее, чем хотел бы сам Сталин, характеризует природу советского общества. По самой сути своей кадры являются органом властвования и командования. Культ «кадров» означает прежде всего культ бюрократии, администрации, технической аристократии. В деле выдвижения и воспитания кадров, как и в других областях, советскому режиму приходится еще выполнять ту задачу, которую передовая буржуазия давно разрешила у себя. Но так как советские кадры выступают под социалистическим знаменем, то они требуют почти божеских почестей и все более высокого жалованья. Выделение «социалистических» кадров сопровождается, таким образом, возрождением буржуазного неравенства³.

Весь этот слой, численность которого он оценивал в «5–6 миллионов душ», за вычетом учителей и ученых (примечательное исключение!), Троцкий называл «паразитическим»: он ничего не производит, а только «управляет, приказывает, командует, милует и карает».

Оппозиционеры мастерски развернули свою критическую атаку, используя в том числе и концепции из республиканской «копилки» — проблемы циклического упадка и перерождения, ведущего от свободы к рабству. Хотя Троцкий и другие вожди оппозиции не вдохновлялись, разумеется, Полибием или Макиавелли, «римскую» историческую модель им заменяли обращения к истории Французской революции. В этом смысле политический язык критики был историцистским и республиканским. Критика, развернутая оппозицией, была острой и содержательной, однако несла в себе определенный марксистский фатализм: утверждение о том, что для успешного завершения создания социалистического общества в России обязательно нужна мировая революция, по понятным причинам вызывало растерянность в рядах самой большевистской партии. Подобно республиканскому политическому языку XVIII столетия, критический язык оппозиции оказался эффективным орудием для разоблачения, но содержал не так

---

³ Там же.

много рекомендаций относительно практических задач управления республикой.

Уникальность ситуации заключалась в том, что партийное большинство, перейдя в контрнаступление, тоже использовало аргументы республиканского типа. Тогда и оказалась выдвинута *теория построения социализма в отдельной стране*, оправдывавшая жертвы прошлого и усилия настоящего. Ее крупнейшим теоретиком выступил уже знакомый нам Н. И. Бухарин. В 1926 г. на XIV съезде ВКП(б) он сделал знаменитое заявление:

Из-за классовых различий внутри нашей страны, из-за нашей технической отсталости мы не погибнем, мы можем строить социализм даже на этой нищенской технической базе, этот рост социализма будет во много раз медленнее, мы будем плестись черепашьям шагом, но все-таки мы социализм строим, и мы его построим⁴.

Бухарин с полным основанием может считаться крупнейшим большевистским теоретиком 1920-х гг. Ряд его работ — написанная в соавторстве с Е. А. Преображенским «Азбука коммунизма» (1919), «Экономика переходного периода» (1920) и «Теория исторического материализма» (1923) — стали важнейшими интеллектуальными событиями в постреволюционном большевизме.

В работе «Теория пролетарской диктатуры» Бухарин декларировал подчиненность политических форм экономическим основаниям:

Марксисты не выдумывают из головы чисто рационалистическим образом «форм правления». Они улавливают основные тенденции развития и свои цели соотносят с этими тенденциями. Так и только так нужно подходить и к вопросу о диктатуре. <...> При этом нужно помнить, что политическая форма есть «надстройка» над определенной экономической структурой, что она выражает определенное соотношение между классами и что политическая скорлупа неизбежно разле-

---

⁴ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) : стеногр. отчет. М. ; Л., 1926. С. 135.

тается в прах, если она не находит себе опоры в структуре классовых соотношений⁵.

В конечном счете

...советская форма государства есть самоуправление масс, где любая организация трудящихся является составной частью всего аппарата. От центральных коллегий власти тянутся организационные нити к местным организациям по самым разнообразным направлениям, от них — к самим массам в их непосредственной конкретности⁶.

Эти рассуждения Бухарина гармонируют с идеями, которые примерно в то же время высказывали и другие большевистские теоретики, включая и самого Ленина.

Но одновременно в «Экономике переходного периода» (1920) Бухарину пришлось рассуждать о том, как конкретно организована хозяйственная жизнь в условиях диктатуры пролетариата. Диктатура эта — режим переходного периода, одновременно она является новым «равновесием» (здесь Бухарин обращается к категориальному аппарату «всеобщей организационной науки» А. П. Богданова), возникшим после дезорганизации старого капиталистического порядка. Он проводит аналогию производства с армией:

На смену строжайшей империалистской субординации выдвигается принцип широкой выборности. <...> Каков объективный смысл этого процесса? Первое и самое главное: разложение, разрушение старой империалистской армии. Второе: воспитание, подготовка активных организующих сил будущей пролетарской армии, воспитание, покупаемое ценой разрушения старого. Никто не станет утверждать, что полковые комитеты делают армию боеспособной. Но объективная задача ведь и не состоит в том, чтобы поддерживать боеспособность старой армии. Наоборот, она состоит в ее разрушении и подготовке сил для иного аппарата⁷.

---

⁵ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 13.

⁶ Там же. С. 22.

⁷ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 145.

По мере складывания нового равновесия дезорганизация будет заменяться «военно-пролетарской диктатурой», которая направлена теперь на «плавный и точный ход работы». Разумеется, на пути к коммунизму пролетарская диктатура будет широко применять насилие, причем не только по отношению к враждебным классам, но и к господствующему классу, поскольку сам этот класс не един: авангарду пролетариата приходится подтягивать до своего уровня отсталые группы, и в этом смысле диктатура является механизмом самопринуждения. В дальнейшем, правда, диктаторское единоначалие, имеющее свои плюсы, будет замещаться иной системой управления, которая диалектически сможет сочетать единоначалие с коллегиальностью как «тезис» с «антитезисом»; возможным это будет благодаря широчайшему воспитанию рабочих масс. А с полной победой коммунизма «принуждение в какой бы то ни было форме потеряет смысл», и тогда — как Бухарин отмечал и позднее, в работе «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925) — «политика заменится одним лишь научным управлением и научным руководством общественным хозяйством»⁸.

На упреки оппозиции Бухарин отвечал по двум главным направлениям. Является ли развитие пролетарской диктатуры в переходный период объективно предопределенным отсталым характером российской экономики? В разгоревшейся внутрипартийной дискуссии о новой экономической политике Бухарин сурово обрушился на Е. А. Преображенского, ведущего экономиста троцкистской оппозиции, издавшего теперь работу «Новая экономика». То, что Бухарин упрекал Преображенского в «сверхиндустриализаторстве», хорошо известно (другое дело — насколько эти упреки отражали идеи самого Преображенского). Но упреки Бухарина по адресу своего экс-соавтора, высказанные в работе «К вопросу о закономерностях переходного периода», заключались не только и не столько в «цеховой идеологии», ставящей интересы пролетариата выше интересов пролетарского государства в целом, но и в «абстрагировании от политики». Что здесь имеется в виду? Согласно Бухарину,

---

⁸ Бухарин Н. И. Путь к социализму : Избранные произведения. Новосибирск, 1990. С. 221.

[Преображенский] категорически настаивает на «плане» и других хороших вещах и в то же время еще более категорически настаивает на отвлечении от функций государственной власти в области хозяйства. У него есть план, но без субъекта плана; планирование, но без планирующих органов; рациональное начало, но без определенного места, где оно начало помещается. Такие представления нельзя иначе обозначить как мистику⁹.

Это утверждение было напрямую связано и с решением проблемы перерождения партии. Аргументы по этому направлению были тесно связаны с охарактеризованной выше уверенностью Бухарина в том, что партийное руководство способно превозмочь любые объективные трудности, используя собственную мудрость и искусство. Приведем мнение современного исследователя А. Н. Медушевского: «Парадоксальная теория Бухарина, инспирированная сентенциями Руссо в большей мере, нежели доктриной Маркса, приводила его к выводу о власти как способе достижения идеального общественного строя. Власть становится самостоятельной и при этом высшей ценностью, но лишь до тех пор, пока она находится в руках избранных. Власть есть процесс целенаправленных преобразований, озаренных светом высшей идеи. Если это так, то термидорианское перерождение невозможно, пока инструменты управления сосредоточены в руках революционеров, преданных коммунизму»¹⁰.

Но где гарантия, что само это руководство не превращается в замкнутую касту бюрократов, незаметно перерождающуюся? Критикуя Преображенского, Бухарин между прочим отмечал:

Государственная надстройка не есть вечная принадлежность общества — это во-первых; во-вторых, она на своей и утренней, и вечерней заре обладает особыми чертами, поскольку и там, и тут она не является надстройкой в собственном, «классическом» смысле слова. Ибо она вырастает из базиса в начале своего возникновения, и она погружается

---

⁹ Бухарин Н. И. Путь к социализму. С. 122.

¹⁰ Медушевский А. Н. Политическая мысль и дискуссии 20-х годов // Политическая наука. 2001. № 1. С. 158.

в базис и растворяется в нем в конце своего жизненного пути, когда государство «отмирает».

А потому «переходный период характеризуется сперва необычайным усилением государственных функций именно в силу непосредственного слияния надстройки с базисом», хотя обстоятельство это «есть предпосылка смерти самого государства». Говоря проще, советский хозяйственный аппарат «является составной частью производственных отношений советского общества, т. е. сам целиком включен в “базис”»¹¹.

Это не означало, что советский административный аппарат теперь застрахован от бед; напротив, ему по-прежнему угрожает перерождение под давлением мелкобуржуазной стихии. Проблема перерождения оставалась центральной и для Бухарина. Но, в отличие от оппозиционеров, указывавших на принципиальную важность международного положения, Бухарин и его круг настаивали на том, что грамотная политика властной элиты позволит сдержать эту угрозу. Бухарин высмеивал одного из оппозиционеров, П. А. Залуцкого:

Международная революция затянулась. Мы отступаем, ну, и отступаем бесконечно. Отсюда — эта замечательная идея навела на смертный грех и тов. Залуцкого: раз международной революции нет, она затянулась, — что осталось делать? Ясное дело, остается одно — перерождаться. И, конечно, раз все люди смертны, все доступны перерождению, но этому перерождению доступен и Центральный Комитет¹².

Отсюда вытекало важное практическое следствие: администрирование само по себе является *достойным* занятием. Директорская позиция, например — это место, на котором можно демонстрировать свою добродетель на благо пролетарской диктатуры, а не привилегия, от которой постоянно исходит опасность вырождения.

От историческиского обращения к опыту Французской революции теоретики большинства полностью отказались. Один из учеников и по-

---

¹¹ Бухарин Н. И. Путь к социализму. С. 120.

¹² XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 140.

следователей Бухарина, Д. П. Марецкий (1901–1937), так отвечал оппозиционерам:

Положительная хозяйственная программа якобинцев была реакционной. Своей же разрушительной работой якобинцы расчищали путь крупному капиталистическому производству. По сравнению с жирондистами якобинцы представляли низший хозяйственный принцип. Поэтому они и были побеждены. Мелкое производство спасовало и неизбежно должно было спасовать перед крупным. Робеспьер «уступил» Наполеону. Между тем, у нас такого противоречия, противоречия между движущими силами революции и ее объективным смыслом — нет. Пролетарская революция имеет своей главной движущей силой пролетариат, который владеет командными высотами, располагает целой серией рычагов для воздействия на крестьянство и представляет высший способ производства и по сравнению с крестьянством, и по сравнению с буржуазией¹³.

Залогом *virtu* советских граждан считалось особое политическое и экономическое устройство Советского Союза, которое, в свою очередь, зависело от активности и сознательности советских граждан и которое надлежало укреплять и защищать (в том числе ценой жизни).

7.2. Пятилетний план и «новый человек»

... У нас здесь, в стране цветущего социализма,
стране величайшего подъема,
стране, где пролетариат пришел к власти —
в этой стране везде и всюду должен быть
порядок и дисциплина.

Г. К. Орджоникидзе. Речь на выпуске 165 инженеров-технологов. 1934

Хотя теория Бухарина о социализме в отдельно взятой стране поначалу обещала продолжение курса на своеобразное социальное «замире-

---

¹³ Марецкий Д. Так называемый «термидор». М. ; Л., 1927. С. 30.

ние» в духе новой экономической политики (Бухарин даже обратился к зажиточному крестьянству с призывом «Обогащайтесь, накапливайте и не бойтесь, что вас прижмут!»), очень скоро оказалось, что новую теорию можно использовать для обоснования куда более радикальной политики. В ходе борьбы конца 1920-х гг. Бухарин оказался в лагере «правых», стоявших за более взвешенную экономическую политику. Те интеллектуальные ходы, которые он и его окружение разработали, теперь применялись радикально настроенными теоретиками в обоснование индустриализации и коллективизации.

Партия, замкнувшая с 1928 г. все рычаги экономической активности на себя, собиралась заменить рынок административным нажимом, особым искусством управлять «по-большевистски» и разворачиванием массового энтузиазма. Само по себе это искусство управлять, о котором постоянно говорилось на партийных собраниях, может считаться особой красной *virtu*, заменявшей капризную и непредсказуемую стихию рынка — самоотверженной доблестью строителя социализма, способного добиваться успеха наперекор обстоятельствам и черпающего силы в своем гражданском мужестве.

Характерное внимание к кадрам дополнялось, однако, апелляциями к сознательности рабочего класса, призывами проявить дисциплину, энтузиазм и высочайшую самоотверженность. Если рабочий класс является правящим классом, то он должен проявить гражданскую доблесть на трудовом фронте. Не случайны аналогии с военными подвигами пролетариата эпохи Гражданской войны, которыми буквально переполнены речи советских вождей начала 1930-х гг.: предполагалось, что тот же классовый (или уже гражданский?) энтузиазм, который сделал Красную армию «непобедимой» (в отличие от царской армии, инструмента «отчуждения» и «оболванивания» солдат), позволит пролетариату совершить небывалые экономические прорывы: это вопрос не конъюнктуры рынка, а воли, энтузиазма, мобилизации. К примеру, на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. Сталин так завершил свое выступление:

Реальность нашей программы — это живые люди, это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать

по-новому, наша решимость. Есть ли у нас она, эта самая решимость? Да, есть. Стало быть, наша производственная программа может и должна быть осуществлена¹⁴.

Иными словами, советская экономика способна осуществить колоссальный рывок не только потому, что она *плановая* и *научная*, но и потому, что ее строят «герои», представляющие, с одной стороны, сознательными пролетариями, в процессе переделки экономической системы идущими к коммуне, а с другой — добродетельными гражданами, в силу новых социально-экономических отношений демонстрирующими невиданный энтузиазм на благо рабоче-крестьянской республики. По мере того, как идея коммуны проваливалась, на передний план все больше выдвигалась эта вторая ипостась. Об этом говорил в одной из статей ведущий советский политический теоретик А. И. Стецкий, принадлежавший когда-то к школе Бухарина, но в конце 1920-х гг. перебравшийся на сторону Сталина:

Наши враги недоумевают, откуда такая выдержка у народа, который когда-то у разных бар и их сподвижников был синонимом лени, отсталости, неповоротливости. Откуда сила у этого народа, откуда такой напор, такой героизм, который горит огнем на протяжении 16 лет революции? Этот героизм есть героизм пролетарской революции, которой руководит наша ленинская партия, поднимающая на борьбу все большие и большие массы угнетенных капиталом, все новые и новые слои трудящихся. Вот в чем разгадка и вот с чем приходится иметь теперь дело господам капиталистам¹⁵.

Откуда же вытекает этот неслыханный энтузиазм, эта социалистическая *virtu*? Ее залогом является та новая политическая организация, что возникла после Октября (Стецкий говорит о «революции», хотя, по существу, имеет в виду власть партии большевиков), которая позволила осуществить такие социальные и экономические меры, в коих

---

¹⁴ Сталин И. В. Сочинения : в 18 т. М., 1951. Т. 13. С. 80.

¹⁵ Стецкий А. И. Ленин и социалистический план : доклад на траурном заседании, посвященном 9-летней годовщине со дня смерти Ленина. М., 1933 // Indbooks.ru : независ. электрон. б-ка : [сайт]. URL: <http://indbooks.in/mirror8.ru/?p=116368> (дата обращения: 01.06.2018).

героизм и энтузиазм производились массово. Гражданско-трудовой энтузиазм поддерживался различными организационными формами — такими, как социалистическое соревнование или стахановское движение; в СССР была введена система орденов и почетных званий; наконец, формирование культов партийных вождей вполне может считаться проявлением особого рода гражданской культуры советского республиканизма. Как отмечает американский исследователь Д. Бранденбергер, «повышенное внимание к народному героизму, заметно контрастирующее с ориентацией на безымянные общественные силы, принятой в 1920-е годы, привело к возникновению, по существу, нового жанра агитационной литературы», формировавшего «пантеон советских героев, социалистических мифов и современных легенд»¹⁶.

Например, руководитель индустриализации 1930-х гг., народный комиссар тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе выступал перед рабочими Магнитогорского металлургического комбината в 1933 г. с такой речью:

Люди не хотят работать? Неверно. Наши рабочие — это лучшие рабочие во всем мире, ибо они сознают, что на себя работают. Магнитка — это собственность рабочего класса, а не какого-нибудь капиталиста, рабочий знает, что он строит для себя. Разве нельзя организовать этих рабочих? Можно. Кто же должен организовать? Бригадир — низшее звено, которое имеет в своих руках 10–15–20 человек, он их должен организовать. <... > Есть хорошие бригады, есть и плохие. Конечно, не все будут энтузиастами и людьми, которые ни с чем не считаются и целиком отдают себя интересам стройки. От пятидесятитысячной массы этого не потребуешь. Но элементарную организацию наладить надо¹⁷.

Работа на предприятии — дело не только экономическое, производственное, но и гражданское. Классовый энтузиазм в условиях советской республики должен был конвертироваться в особую, всепроникающую гражданственность, предполагающую своего рода самодисциплину

---

¹⁶ Бранденбергер Д. Национал-большевизм : Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. СПб., 2009. С. 40.

¹⁷ Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи : в 2 т. М., 1957. Т. 2. 1926–1937 гг. С. 484.

в дополнение к дисциплине внешней: предприятие стало не только местом работы, но и «общей собственностью» рабочих-граждан. Можно считать этот феномен политической и хозяйственной культуры своеобразным вариантом республиканской идеологии в условиях советского социализма и плановой экономики.

Вопросы для обсуждения

1. В чем заключается, согласно Л. Д. Троцкому, причина перерождения большевистской партии? Сравните идеи Троцкого с идеями В. И. Ленина, высказанными в работах «Лучше меньше, да лучше» и «Как нам реорганизовать Рабкрин».

2. Можно ли считать, что группировка И. В. Сталина после своей победы в борьбе за власть в 1927–1928 гг. полностью порвала с идеей мировой революции? Проанализируйте статьи И. В. Сталина и А. И. Стецкого, предложите свой ответ на вопрос.

3. Внимательно изучите карту улиц Екатеринбурга. В честь кого (чего?) они названы? Классифицируйте типы названий. О чем они говорят?

Рекомендуемая литература

Бранденбергер Д. Национал-большевизм : Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956 / Д. Бранденбергер. СПб. : ДНК, 2009. 415 с.

Бухарин Н. И. Избранные произведения / Н. И. Бухарин. М. : Политиздат, 1988. 497 с.

Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма / Н. И. Бухарин. М. : Изд-во полит. лит., 1988. 512 с.

Бухарин Н. И. Путь к социализму : избр. произв. / Н. И. Бухарин. Новосибирск : Наука, 1990. 493 с.

Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора / Т. Кондратьева. М. : Ипол, 1993. 240 с.

Марецкий Д. Так называемый «термидор» / Д. Марецкий. М. ; Л. : Моск. рабочий, 1927. 48 с.

Медушевский А. Н. Политическая мысль и дискуссии 20-х годов / А. Н. Медушевский // Политическая наука. 2001. № 1. С. 104–175.

Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи : в 2 т. / Г. К. Орджоникидзе. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. Т. 2. 1926–1937 гг. 837 с.

Сталин И. В. Сочинения : в 18 т. / И. В. Сталин. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1951. Т. 13. 423 с.

Стецкий А. И. Ленин и социалистический план : доклад на траурном заседании, посвященном 9-летней годовщине со дня смерти Ленина / А. И. Стецкий. М. : Партиздат, 1933. 30 с. // Indbooks.ru : независ. электрон. б-ка : [сайт]. URL: <http://indbooks.in/mirror8.ru/?p=116368> (дата обращения: 01.06.2018)

Троцкий Л. Д. Преданная революция: что такое СССР и куда он идет? / Л. Д. Троцкий. М. : НИИ культуры, 1991. 254 с. // Lib.ru : библиотека Максима Мошкова : [сайт]. URL: <http://lib.ru/TROCKIJ/trockij1.txt> (дата обращения: 01.06.2018).

XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) : стеногр. отчет. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. 1026 с.

Учебное издание

Бугров Константин Дмитриевич
Соколов Сергей Васильевич

РОССИЙСКИЙ РЕСПУБЛИКАНИЗМ
XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА
В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ

Учебное пособие

Редактор *Е. В. Березина*
Корректор *Е. В. Березина*
Компьютерная верстка *В. К. Матвеев*

Подписано в печать 29.11.2019. Формат 60 × 84 1/16.

Усл. печ. л. 5,4. Уч.-изд. л. 5,02.

Гарнитура Arno Pro. Бумага офсетная.

Тираж 100 экз. Заказ № 351.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ

620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>

БУГРОВ КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета. Участвовал в многочисленных исследовательских проектах, поддержанных грантами Правительства РФ и научных фондов. Автор трех монографий, более чем 30 научных статей. Лауреат премии губернатора Свердловской области для молодых ученых за лучшую работу в области гуманитарных наук (2016). Сфера научных интересов — история общественно-политической мысли России XVIII–XX вв., российско-европейский культурный трансфер, история конструктивистской архитектуры и градостроения СССР 1920–1930-х гг., история советского марксизма.

СОКОЛОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета. Участвовал в различных научно-исследовательских проектах, поддержанных грантами Российского научного фонда, Президента и Правительства РФ. Руководил разработкой регионального контента для исторического парка «Россия — моя история. Свердловская область». Автор научной монографии и более чем 20 других публикаций. Сфера научных интересов — историография и историко-политические идеи в Новое время, история Древней и средневековой Руси, интеллектуальная история и история русско-европейского интеллектуального обмена эпохи Просвещения.